

Guelman.Ru

Современное искусство в сети

Марат Гельман Русский способ (Терроризм и масс-медиа в третьем тысячелетии)

Война началась? Предисловие

Часть первая. Глава первая. Терроризм: прошлое и настоящее

История на крови

Легендарные террористические организации (сикарии, ассасины, душители)

Ку-клукс-клан

Аль-Каида

Баджранг Дал

Хамас

Харакат уль-Муджахиддин

Хизбалла

Дашнакцутюн

Аум Синрике

Тигры Освобождения Тамил Элама

РАФ

Ирландская Республиканская Армия

Часть первая. Глава вторая. Терроризм: настоящее и... будущее?

На чем зиждется современный терроризм?

Как информация становится оружием?

Как победить самоубийц?

Кто против кого?

Есть террористы и - террористы?

Часть вторая. Глава первая. Что делать?

Стреляют ли нарисованные человечки?

Ответственность журналистов: границы

Ответные обязанности общества и власти

Мир после 11 сентября

Часть вторая. Глава вторая. Опыт зарубежных коллег

Советы по печати и омбудсмены

Кодексы прессы

Великобритания. Общая правовая ситуация

ВВС: терроризм и национальная безопасность

Северная Ирландия

Язык и терминология

Предупреждения об угрозе взрыва

Риск для конкретных людей

Интервью с террористами

Инсценировки

Национальная безопасность

Закон о государственной тайне

Уведомительный комитет по обороне

Запрет трансляций выступлений ИРА

Израиль

США

Швеция

Франция

Часть третья. Глава первая. Прямая речь: нужна ли нам Антитеррористическая Конвенция?

Интервью Андрея Венедиктова, Дмитрия Кафанова, Николая Сванидзе, Маши Слоним и Максима Соколова

Часть третья. Глава вторая. Антитеррористическая Конвенция. Комментарии.

Приложения

Война началась?

23 октября 38 вооруженных террористов захватили в ходе представления мюзикла "Норд-Ост" Театральный центр на Дубровке, в Москве. В заложниках оказались 750 человек (по другим данным - до девяти сот), из которых впоследствии более 129, в том числе пятеро детей, погибли во время штурма и в ходе - как теперь уже всем очевидно, недостаточно хорошо организованных - спасательных работ². У книги Вениамина Каверина, по которой поставлен спектакль, у снятого по ней популярного фильма прекрасное название - "Два капитана". Казалось бы, попытка "улучшить" такое удачное имя обречена на провал. Но создателям мюзикла, назвавшим историю о романтической любви "Норд-Ост", переименование удалось: оно превратилось не только в географический символ России, но и в символ "русского духа". К тому же, "Норд-Ост" легче запоминается иностранным слухом. И надо же такому случиться, что это символическое название действительно пришлось запомнить многим. Эффектные буквы "N-O" встали в один ряд с эффектными цифрами 11.09 (9/11 в Америке, где месяц указывается с начала, так и же и телефон службы спасения). Теперь этот скорбный ряд пополнила новая трагическая дата, причинно-следственно связанная с терроризмом - 20.03., - начало англо-американской атаки на Ирак.

Над моим рабочим столом в Останкино четыре телевизионных монитора. Первый канал, Россия, НТВ и ТВЦ. Так как информацию я узнаю из агентств, то смотрю новости как гипертекст, в котором событие - лишь повод для анализа позиции канала, складывающейся из суммы обстоятельств. Четыре монитора делают событие снятым, нереальным. Информационным поводом, а не чьим-то поступком или жестом, трагедией или сбывшейся мечтой всей жизни. В первые дни трагедии на Дубровке я не ходил на работу: утром 24 октября у меня родилась дочь Ева. За развитием событий следил по домашнему телевизору. Один экран не дает возможности почувствовать себя субъектом процесса. Напротив, ты - объект информационного воздействия. Кажется, вся боль мира (во всяком случае, Москвы) концентрированно изливается на тебя из черного ящика телевизора, и ты ничего не можешь поделать. Ты даже не можешь выключить трансляцию: зачем-то нужно длить и длить это мучительное зрелище. Слежение за бегущей строкой становится частью жизнеобеспечения: дышать, пить, есть и смотреть телевизор. Миллионы людей, видящих одну и ту же картинку - вот общность, которую в обычное время не объединить ничем. И эта власть в руках не у президента и не премьера, людей облеченных властью и готовящих себя к этой суперответственности, а у оператора. Здесь, наверно, уместна фраза "на его месте мог бы быть каждый", впрочем, эта фраза уместна во всем, что касается теракта. Кажется, Лев Корзун точно сформулировал во время трагедии, что все общество делится на жертв "Норд-Оста" и их родственников с одной стороны и потенциальных жертв будущих терактов, с другой. Вот я и попытался собрать то, что, на мой взгляд, должен знать каждый, и каждый журналист в первую очередь.

Почему я решил, что это мое дело: написать такую книгу? Кошмар на Дубровке и, в то же время, рождение дочери. Общая трагедия переплелась для меня с личным счастьем. Больше всего я беспокоился, чтобы жена до родов ничего не узнала. Вопрос "как там они" имела для меня два значения. Семьсот человек под дулами автоматов и Юля с дочкой в роддоме. В общем, я был счастлив на фоне всеобщей трагедии и, в конце концов, это превратилось в чувство вины перед каждым, кого я встречал. Прятал глаза, что бы не видели радость, а по большей части просто уединялся. Когда завершилась контртеррористическая операция, я твердо решил как-то искупить свою вину... нет, счастье.

А беда оказалась больше, чем можно было даже предположить: на антитеррористической волне подняли голову мракобесы всех мастей. Даже в либеральном ("западном") обществе после трагедии 11 сентября мгновенно стали редуцироваться гражданские свободы, то есть его основные принципы. Что же говорить о России... Уважаемые публицисты стали рассуждать, что терроризм - результат разгула политкорректности, мультикультурализма, чуть ли не постмодернистского искусства. Особо тревожно, что такие настроения появились

и в самой художественной среде. В политическом истеблишменте сразу раздался голос: "а мы были правы в своих гонениях на кавказцев в российских городах". Понесли призывы закручивания гаек на всех фронтах. Легче посадить в тюрьму радикального писателя, чем бороться с настоящими террористами. Зная, насколько легко правители вводят, а народ принимает тоталитаризм, можно предсказывать и дальнейший рост покушений на основные свободы. Эта опасность для меня не менее серьезна и очевидна, чем опасность терроризма. В борьбе против злодеев мы не должны позволить расцвести новому мракобесию.

Эта ситуация требует аккуратного анализа и деликатных решений. Важно помнить, что карта самого радикального искусства и карта распространения терроризма - две совершенно разные карты. Перед Второй Мировой войной повсюду было очень много гуманистического искусства, что не помешало разразиться трагедии. Важно помнить, что гонение на "лиц кавказской национальности" не решают никаких проблем, а только обостряют объективные противоречия. Важно помнить, что запрет - не просто сильнейшее оружие в руках чиновника, но и источник его дохода. Чиновничество будет стараться воспользоваться ситуацией и попробовать подавить и другие гражданские свободы. В логике "беспощадной борьбы с терроризмом" важно не дойти до точки, после которой будут запрещаться книги (один из кандидатов на такой запрет - Пушкин, чей Дубровский сжигал усадьбы, убивал, требовал, то есть, вел себя как террорист).

Трагедия на Дубровке, как вы помните, сразу обернулась конфликтом между журналистикой и властью: первая критиковала вторую за ошибки в проведении операции по захвату театрального центра, вторая первую - за "вредное" освещение событий. Госдума тогда приняла в пожарном порядке скороспелые поправки к законодательству, призванные регулировать действия масс-медиа в чрезвычайных ситуациях, а на деле лишь грубо и бессмысленно "завинчивающие гайки". Журналистское сообщество смогло тогда сформулировать свое видение ситуации; президент Путин прислушался к мнению прессы и не подписал одиозные поправки. Была создана рабочая группа "Индустриального комитета", призванная выработать профессиональный "антитеррористический кодекс", - правила поведения, в том числе самоограничения свободы слова. Мы с сотрудниками Аналитической Дирекции ОРТ подготовили для "Индустриального Комитета" во главе с Константином Эрнстом два доклада по обеим темам и мониторинг "антитеррористического законодательства" в мире, и я напросился в координаторы этой рабочей группы - искупать счастье.

Закон - это карательная мера имеющая эффект после действия (нарушил - наказан). Дополняя закон профессиональной Конвенцией, мы исходили из того, что в решающий момент каждый из участников событий принимает решение, согласовываясь вовсе ни с тем или иным пунктом закона, а собственным представлением о положении вещей, пониманием того, как правильно поступить чтобы спасти людей, чтобы помочь, а не навредить.

Ведь когда главному редактору звонит, допустим, Шамиль Басаев и требует предоставить прямой эфир, угрожая в противном случае убить десять заложников, главный редактор думает не о законе. Здесь нужна моральная уверенность в правильности принимаемого решения. И неужели режиссера Марка Розовского, дочь которого попала в заложники, остановил бы закон в его желании организовать антивоенный митинг "по требованию" террористов, если он считал, что таким образом спасет своего ребенка? Он организовал, и отец мой пошел туда, и выступал, чтобы поддержать друга (и я бы пошел, если бы не боялся, что в глазах моих увидят не горе, а совсем другие чувства). Когда у тебя ТАМ дочка - закон тебе безразличен. И даже когда у друга там дочка. И даже когда у друга отца... И только понимание, что таким образом ты, наоборот, отдаляешь освобождение близкого человека, понимание, а не закон - может остановить.

В общем, после того, как в результате многочасовых споров нашей рабочей группы, в которую входили К. Эрнст, А. Любимов, М. Кожокин, А. Венедиктов, И. Лесневская, М. Комиссар и я, родился документ на двух страницах, я решил: то, что не вошло в Конвенцию, может не просто представлять определенный интерес, но просто необходимо каждому журналисту, который по долгу профессии может оказаться ТАМ.

Многообразие терактов, увы, бесконечно и на все случаи Конвенцией не запасешься. Врага надо изучать.

Страшная хроника рубежа тысячелетий

Шриперумбудур (Индия), 21 мая 1991 года. Убит бывший премьер-министр Индии, символ возрождения страны и бескровного решения политических проблем, Раджив Ганди. Исполнитель: девушка со спрятанным под одеждой взрывным устройством. Ответственность взяла на себя организация "Тигры освобождения Тамил-Элама".

Нью-Йорк (США), 26 февраля 1993 года. Аль-Каида предприняла первую атаку на Международный Торговый Центр (который она же уничтожить почти 9 лет спустя). При первой атаке была взорвана бомба в подвале здания, где располагалась автомобильная стоянка. Несколько человек погибли, множество было ранено.

Афула (Израиль), 6 апреля 1994 года. Взорван рейсовый автобус, погибло 7 пассажиров, многие ранены. Исполнитель: водитель-самоубийца. Ответственность взяла на себя организация "Хамас".

Кфар-Даром (сектор Газа), 9 апреля 1995 года. Взорван рейсовый автобус, погибло 6 пассажиров, многие ранены. Исполнитель: водитель-самоубийца легкового автомобиля. Ответственность взяла на себя организация "Исламский джихад".

Оклахома-Сити (США), 19 апреля 1995 года. Грузовик, набитый взрывчаткой, уничтожил федеральное здание Мюррей, в котором располагался ряд правительственных учреждений и детский сад, большинство детей из которого оказались в числе ста шестидесяти восьми погибших. Взрыв в Оклахома-Сити стал самым крупным терактом в истории США, и оставался таковым до сентября 2001 года. Власти и народ хором проклинали исламских террористов - общественность была шокирована, когда в качестве единственного подозреваемого перед ними предстал 27-летний Тимоти Маквей, проживавший неподалеку. Ветеран войны в Персидском заливе, Маквей был зол на государство и общество, которых обвинял в своей не сложившейся жизни и загубленной военной карьере, а так же в гибели 76 сектантов в городе Вейко, штат Техас, при штурме их лагеря спецназом в тот же день двумя годами раньше.

Буденновск (Ставропольский край), 14 июня 1995 года. Группа чеченских боевиков под руководством Шамиля Басаева захватила городскую больницу, удерживая в ней более тысячи заложников. 17 июня спецподразделение "Альфа" предприняло штурм больницы, который окончился неудачно. По разным данным, около 130 человек погибли, более 400 были ранены. В результате последовавших переговоров, бандитам была предоставлена возможность вернуться в Чечню в сопровождении добровольных заложников, в основном, из числа журналистов.

Кизляр (Дагестан), 9 января 1996 года. Группа чеченских сепаратистов во главе с Салманом Радуевым захватила больницу, а затем скрылась вместе с группой заложников. Через несколько дней федеральные власти штурмом взяли село "Первомайское", в котором укрепились боевики, однако многим из них удалось уйти, включая самого Радуева. 78 человек из числа заложников и мирного населения погибли, более 100 были ранены.

Лондон (Великобритания) февраль 1996 года. Взрыв на пристани Канари положил конец соглашению о прекращении огня между Ирландской республиканской армией и британскими властями. Убито двое мирных жителей. Вскоре в Лондоне прогремел еще один взрыв - 21-летний боец ИРА Эдвард О'Брайен погиб при преджевременном взрыве бомбы, которую он планировал взорвать в общественном месте.

Тель-Авив (Израиль), 4 марта 1996 года. Взрыв в окрестностях торгового центра, убито 13 человек, ранено 110. Исполнитель: камикадзе, "живая бомба". Ответственность взяла на себя организация "Хамас".

Коломбо (Шри-Ланка), 18 декабря 1999 года. Взрыв на предвыборном митинге президента страны Чандрики Кумаратунге. Погибло больше 20 человек, ранено около сотни (в том числе, президент). Исполнитель: камикадзе, переодетый в женское платье.

Коломбо (Шри-Ланка), 5 января 2000 года. Взрыв у приемной премьер-министра страны Сиримаво Бандаранаике. Убито 12 человек, ранено 22. Исполнитель: женщина-камикадзе.

Тель-Авив (Израиль), 1 июня 2001 года. Взрыв на дискотеке, погибло 21 человек, около ста ранено. Возраст большинства пострадавших - от 14 до 20 лет. Исполнитель: самоубийца.

11.09.2001. Без комментариев.

Север Израиля, 20 марта 2002 года. Взрыв в автобусе, погибло 7 пассажиров. Исполнитель: самоубийца.

Петах-Тиква (Израиль), 27 мая 2002 года. Взрыв в торговом центре, погибло четверо, более полсотни ранены. Ответственность взяла на себя организация "Бригады мучеников Аль-Аксы".

Шоссе между Афулой и Хадерой (Израиль), 5 июня 2002 года. Взрыв рейсового автобуса, 14 погибших, 60 раненых. Исполнитель: самоубийца на легковом автомобиле.

Иерусалим, 18 июня 2002 года. Взрыв в рейсовом автобусе, погибло 20 человек, больше 50

ранено. Ответственность взяла на себя организация "Хамас".

Москва, 5 июля 2003 года. Взрывы на рок-фестивале "Крылья" в Тушино, исполнительницы: две террористки-самоубийцы. По официальным данным, число жертв достигло 15 человек (не считая самих террористок): 11 погибли на месте, еще 4 в последствии в больницах. Всего число пострадавших, по разным данным, насчитывает около 70 человек.

Часть первая. Глава первая. Терроризм: прошлое и настоящее

История на крови

Слово terror (от латинского "ужас") существует с незапамятных времен; столь же протяженна и история явления, скрывающегося за этим словом. Насильственное решение политических, экономических, социальных проблем, бунты черни и келейные царевубийства, экстремизм, прикрывающийся религиозными лозунгами, - всем этим пестрит история человечества.

С некоторых пор ужасное явление стало предметом разнообразных научных исследований, и, по обыкновению, специалисты предлагают массу версий, с какого же исторического периода вести отсчет терроризма. Одни относят эту точку в доисторическую древность, другие - в античность, третьи утверждают, что заговор декабристов стал поворотным пунктом в истории незаконного насилия, кто-то ведет генеалогию терроризма от ассасинов, действовавших почти тысячелетие назад, кто-то говорит, что перелом произошел в годы якобинской диктатуры (в этой связи любопытно, что в первом издании словаря Брокгауза и Ефрона слово "террор" объяснялось не латинским оригиналом, а французским "la terreur") и т.д., и т.п. Высказываются даже мнения, что серьезной проблемой терроризм стал только... в конце двадцатого века! Кроме того, следует иметь в виду, что понятия "террор" и "терроризм" нетождественны (хотя сплошь и рядом употребляются как взаимозаменяемые): под первым имеется в виду систематическое насилие со стороны власти предрержащих (все бесчинства Лубянки, архипелаг ГУЛАГ - ближайший к нам и горчайший пример), под вторым - насилие "низов". При этом можно говорить о том, что терроризм и террор в некотором смысле взаимосвязаны - ведь тот, кто держит в руках фитиль невидимой, но явственно представляемой бомбы, или сидит за штурвалом угнанного самолета, на короткое время приобретает ту же самую власть - над умами, над страхами, над людьми. Однако, сама проблема разделения двух понятий и потребность как следует разобраться с каждым из них остро встает именно в наше время - по причинам, увы, кроваво-практическим.

Не пускаясь пока в глобальное теоретизирование, совершим краткий исторический экскурс хотя бы по последним полутора столетиям. Россия встала в первые ряды "террористических" государств в 70-80-е годы позапрошлого столетия. Тревожные звонки раздавались и раньше - как минимум с декабристской эпохи. Уже в 1844 году Герцен чувствовал, что в воздухе что-то неладно: "Террор. Какая-то страшная туча собирается над головами людей... Люди совершенно невинные могут быть уничтожены, раздавлены, казнены..." Николай Первый умер своей смертью, но пламенный Николай Добролюбов выстрелил ему в спину такими стихотворными строками:

Он грабил нашу Русь, немецкое отродье,
И немцам передал на жертву наш народ,
Без нужды он привлек к нам ратное невзгодье,
Других хотел губить, но сам погиб вперед.

Заканчивалось грозное стихотворение предупреждением новому царю - о том, что "род несчастный" не пощадит очередного тирана (что и произошло через четверть века - хотя покушения на Александра Второго начались еще в 1866 году, когда прогремел выстрел Каракозова у Летнего сада). Еще через год, в очередном "памятном" стихе воскликнул - "Да будешь проклят ты и все Николаиды".

Всего на Александра Второго (освободившего крестьян, осуществившего земскую, военную, судебную реформы) было совершено 8 (прописью: восемь!) покушений. Ясно, что даже по чисто статистическим законам такая непримиримость террористов должна была завершиться результативно: в итоге самодержца уничтожила бомба Гриневицкого 1 марта 1881 года, и возведенный на этом месте Спас-на-крови, один из красивейших храмов Петербурга, призван вечно напоминать нам о злодеянии.

Именно с той поры в российской истории закрепилось несколько имен собственных, чье упоминание и сегодня создает - в лучшем случае - некоторую неловкость. "Народная воля", "Земля и воля", Сергей Нечаев, Александр Соловьев... Все это - светлые символы

советской историографии, которая воспевала революционных террористов как предшественников коммунистического режима. Сейчас наше отношение к ним диаметрально противоположно, и нет причин сетовать, что маятник общественного мнения слишком сильно качнулся в противоположном направлении: осуждение террора не может быть "слишком сильным". Другое дело - историческая память; эти символы не следует забывать, если мы хотим жить в здоровом обществе. "Народная воля" - символ сверхорганизации "дела революции" (ячейки в 50 городах, более 500 активных членов, 263 теракта, покушения, часто удачные, на 2 министров, 33 генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов, 16 градоначальников, начальников окружных и сыскных отделений и прокуроров, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 26 агентов полиции и провокаторов и т.д.; именно народовольцы упорно год за годом покушались на Александра, пока не добились успеха). Сергей Нечаев - жестокий упертый злодей, убивший одного из соратников лишь затем, чтобы сплотить кровью других, харизматик, подавлявший бешеной волей самых разных людей - от Бакунина (с которым издал в Женеве два номера журнала "Народная расправа") до охранников Алексеевского равелина (которые едва не устроили плененному преступнику побег). Александр Соловьев - символ "чистого", наивного "борца за народное счастье", сусальная биография которого содержит и бесплатное обучение крестьянских детей, и раздачу денег бедным, и благородную фиктивную женитьбу ради освобождения девушки из-под "реакционных" родительских уз, и, конечно, апофеоз - казнь в возрасте Иисуса Христа в присутствии пяти тысяч человек.

Именно такие "светлые образы" были одной из главных удочек, которыми "менеджеры" народного бунта вербовали в свои ряды новых боевиков. Реальность же вовсе не была светла и наивна. Волосы встают дыбом, когда читаешь, например, о намерении террориста Степняка-Кравчинского, убившего 4 августа 1878 года шефа жандармов Мезенцева, отрезать своей жертве голову специальным ножом...

Так что Москва знает о терроре давно. И метки-шрамы в ней с годами не всегда затягиваются. В августе 1999-го, через сто с лишним лет, мы проводили фестиваль "Неофициальная Москва", целью которого было продемонстрировать городу и миру, сколько в российской столице прекрасных художников, поэтов, музыкантов, поэтов, игнорируемых официальной культурой. В рамках праздника было много подчеркнуто "неформальных" мероприятий, и одно из них должно было пройти в каком-либо московском лесопарке. Предложили Петровско-Разумовский: я приехал на место предполагаемой акции, и все, казалось бы, было там превосходно - пейзаж, озеро, воздух - но что-то душа не лежала. А потом литературный критик и писатель Слава Курицын рассказал мне, что именно в том месте состоялось убийство студента Иванова: тот самый нечаевский "проект" по связыванию соратников пролитой кровью (этот эпизод - в центре романа Достоевского "Бесы"). Я подумал: надо же, сколько лет прошло, сколько воды утекло, а место так и осталось "проклятым"... на долгое время вперед была заражена и общественная атмосфера: недаром после убийства Петра Столыпина (1911) А.И. Гучков говорил в Третьей Думе, что у истоков кровавого преступления - давний выстрел Каракозова.

Именно этому - я не побоюсь назвать его классическим - периоду российского терроризма посвящен один из удачных романов Бориса Акунина, "Статский советник". Здесь с высокой художественной убедительностью воспроизведена психология боевиков (объединенных в романе в "Боевую группу") - "Чтобы не загнить, не затынуться ряской, общество нуждается в периодическом взбалтывании, имя которому - революция. Класс, слишком долго находящийся наверху, мертвеет, как ороговевшая кожа, от этого поры страны закупориваются, и в обществе нарастает удушье, производящее бессмысленность и произвол. Государство ветшает, как давно не отремонтированный дом, и если процесс разрушения зашел слишком далеко, подпирать и латать гнилую постройку нецелесообразно. Нужно ее спалить, и на пепелище выстроить новый дом, крепкий и светлый... Но сами по себе пожары не происходят. Нужны люди, согласные взять на себя роль спички, которая, сгорев, даст начало большому огню". Неправда ли, знакомая и убедительная риторика? Даже язвительный парафраз из Ленина ("из искры возгорится пламя") не воспринимается как пародия. Эти строки звучат для нашего уха совершенно естественно, даже отчасти "благородно": лишнее доказательство того, что подобные идеи хорошо пропитали общественную атмосферу... Еще роман Акунина показателен тем, что в финале главным злодеем, кукловодом, дергающим за веревочки "людей-спичек", оказывается представитель власти, князь Пожарский. Кровная связь плебейских бандитских организаций с сильными мира сего - одна из самых больных и сложных проблем...

"Русский способ" - такое название технологии насильственного решения политических проблем существовало в конце девятнадцатого столетия в разных странах (например, в Индии). Вместе с тем, необходимо вспомнить, что в указанный период Россия вовсе не обладала террористическим "эксклюзивом". Итальянские и французские анархисты выдвинули в середине семидесятых тезис о "пропаганде действием" (нетрудно догадаться, что скрывается за этим словосочетанием). Разворачивающиеся одно за другим национально-освободительные движения (Ирландия, Балканы, Польша...) логично

ассимилировали террористические методы. Чуть раньше, в 1865 году, погиб президент США Авраам Линкольн (начало "традиции" убийств американских руководителей: Джеймс Гарфилд в 1881-м, Уильям Мак-Кинли в 1901, Джон Кеннеди - уже в 1963...) С тех пор, со времен "классического периода", можно уже говорить о терроризме в современном понимании: как об опасности, источник которой скрыт, а радиус действия - неизвестен. Знаменитый террорист Б. Савинков всерьез рассматривал проект о создании для одного-единственного (но важного! против царской яхты) теракта маленькой подводной лодки. По некоторым подсчетам, в России с 1905 по 1907 год было убито до 17 тысяч человек.

Семнадцать тысяч - цифра немислимая. Казалось бы. Если не сравнивать ее с "миллионами погибших задешево" в топке Большого Террора, царившего на планете всю середину двадцатого века - в основном, благодаря старанию советских коммунистов и германских нацистов. Впрочем, государственного террора мы в этой книге касаемся лишь постольку-поскольку. Перенесемся в 80-е годы, начало которых было ознаменовано появлением термина "международный терроризм" (авторство - Рональда Рейгана).

Первая операция, которую можно назвать "международной антитеррористической" (прочно обосновавшееся с тех пор в нашем лексиконе определение) произошла 24 апреля 1980 года, когда Соединенные Штаты предприняли попытку освобождения нескольких десятков американских граждан, к тому времени уже почти полгода находившихся в заложниках в здании посольства США в Тегеране. Посольство было захвачено 4 ноября 1979 года группой иранских фундаменталистов - последователей Аятоллы Хомени - в ответ на предоставление незадолго до того свергнутому ими иранскому шаху право на въезд в США для прохождения лечения. Операция по освобождению провалилась - три из восьми американских вертолетов потерпели крушение в пустыни во время песчаного шторма на подлете к Тегерану, и восемь спецназовцев погибли. Белый дом распорядился прекратить операцию, и президент Картер поплатился за неудачу своей карьерой, практически не сражаясь за переизбрание на выборах осенью того же года. Заложники так и оставались в осажденном посольстве до прихода к власти Рейгана - в конце концов, после долгих переговоров, США добились их освобождения 20 января 1981 года, в день инаугурации нового президента. Всего 52 американца провели в заточении 444 дня.

Затем, в 1986-м последовала атака американских военно-воздушных сил на дворец лидера Ливии Муаммара Каддафи. Это была месть за теракт, устроенный ливийцами на одной из дискотек Западного Берлина (где в момент взрыва было много американских солдат). Увы, известные тысячелетиями законы мести - порождающей в порядке цепной реакции новое и новое насилие - сработали и на сей раз: ливийцы не замедлили с ответом. Взрыв самолета "ПанАмерики" (1986), теракты в посольствах США в разных странах... Кровавый ком покотился с горы, облепляясь по пути новыми и новым и жертвами. В приложении к этой части книги вы найдете скорбный список самых громких терактов за последнюю четверть века. Вплоть до атаки на Всемирный Торговый Центр. Все спорили, когда наступает третье тысячелетие - 1 января 2000 года или 1-го января 2001-го. А оно наступило 9 сентября 2002.

Легендарные террористические организации (сикарии, ассасины, душители)

История донесла до нас обрывочные сведения о людях, которым принадлежит сомнительная честь стоять у истоков террористического решения политических проблем. У сикариев (известных, прежде всего, благодаря упоминаниям у Иосифа Флавия), Палестинской организации 60-70-х годов нашей эры, цель была простая - борьба с Римом и римским влиянием. И заодно с теми, кто под это влияние подпадал: жертвами становились и лояльные к Риму евреи, египтяне и умеренные палестинцы (Священная земля, таким образом, оказывается не только колыбелью мировых религий, но и террористической вотчиной с богатейшими традициями и древнейшими корнями).

Сикарии разрушили дом первосвященника Анании, уничтожили дворцы династии Иродов, сожгли публичный архив (со вполне утилитарной целью: уничтожить долговые расписки), выводили из строя системы водоснабжения Иерусалима, сжигали зернохранилища, руководствуясь при этом так называемой "четвертой философией": повиноваться одному лишь Богу и не признавать земной власти.

Иосиф Флавий так описывал тактику сикариев: они нападали чаще всего днем, при большом скоплении народа, например, во время праздников - так, чтобы невозможно было определить настоящего убийцу (много лет спустя народоволец Николай Морозов писал, что терроризм силен своей загадочностью - "Неизвестно откуда явилась карающая рука и, совершив казнь, исчезала туда же - в никому неведомую область" - такая кровавая переключка через тысячелетия). Они орудовали коротким мечом - "сикой", который прятали под одеждой. Отсюда, как нетрудно догадаться, и происходит название их организации.

Ассасины существовали на тысячу лет позже. Это секта мусульман-шиитов, возникшая в XI

веке в Персии (на территории современного Ирана). Ассасины наводили ужас на Европу еще во времена крестовых походов, когда их воины-смертники отчаянно сопротивлялись христианским завоевателям.

Ассасины совершали набеги на Сирию, убивали титулованных особ (префектов, губернаторов, калифов). От их рук погиб Конрад Монфератский, правивший Иерусалимским королевством. Дважды они - неудачно, впрочем - покушались на Салладина. Лидер и идеолог ассасинов Хасан ибн Саббах после нескольких поражений, вызванных небольшими ресурсами организации, решил перейти от открытой борьбы к длительной, продуманной террористической войне. Такая тактика требовала хорошо обученных и специально подготовленных воинов-специалистов, но обещала гораздо более серьезный политический эффект, нежели простые неприкрытые нападения.

С тех пор ассасины стали вызывать еще больший ужас, потому что к их отчаянности и готовности к самопожертвованию прибавилась великая таинственность. Ассасины никогда не убивали ядами или стрелами - они пользовались только кинжалом, что придавало их действиям еще более мистический, ритуальный оттенок. Они действовали в режиме строжайшей секретности, переодевались иноземцами, жили и работали в полной аскезе, при абсолютной дисциплине. Ассасины не ценили собственную жизнь - они приветствовали мучения и смерть во имя идеи. Секта ассасинов - один из истоков современной террористической цивилизации, основанной не на желании жить, а на желании умереть. Считается, что слово "ассасин" происходит от арабского hashshAshln (так трактует его словарь Вебстера, один из самых авторитетных толковых словарей английского языка) и этимологически означает человека, сверх нормы увлекающегося гашишем (hash). Assassin в современном английском значит "убийца" - чаще всего оно применяется к наемным убийцам или фанатикам, движимым политическими мотивами.

Были свои тайные сообщества и в Индии и на дальнем Востоке. Сведения о "душителях", например, относятся к периоду от тринадцатого до восемнадцатого (!) века (не им ли принадлежит "рекорд Гиннеса" по части живучести террористических организаций?). Душителю убивали свои жертвы с помощью тонкого шелкового шнура. Якобы этот способ лишения жизни восходит к ритуальным жертвоприношениям богине Кали. В целом причины, двигавшие бандитами, до сих пор не прояснены - душители не выдвигали никаких политических требований, не нападали на англичан и других европейцев, не высказывали никаких лозунгов по устрашению общества. При этом душители относились к смерти с презрением и с легкостью убивали многих и многих людей. Уничтожил секту генерал-майор Уильям Слиман, до этого долго изучавший деятельность организации.

Ку-клукс-клан

Названием ku-klux-klan эта - до последних десятилетий самая, пожалуй, известная террористическая группировка по одной из легенд обязана звуку, который производит при передергивании затвор винчестера. По другой версии, название произошло от греческого "kuklos" (круг). Клан был организован в 1865 году шестью офицерами незадолго до того проигравшей в гражданской войне в США армии конфедератов Юга (напомню, что войну эту южане затеяли для сохранения института рабства, который, однако, был отменен 1 января 1963 года.). Своей целью организация ставила борьбу как с черным населением, так и, вскоре, с лидерами местных правительств послевоенной Реконструкции как черных, так и белых пришедших к власти в регионе в 1867 году. В своей символике эта организация сочетала сатанизм, мистику и христианство - удивительный винегрет, тем не менее, эффективно действовавший на суверенных негров. Затруднявшая идентификацию участников организации форма в виде белых балахонов и остроконечных колпаков с прорезами для глаз усиливали общее устрашающее впечатление. Собственно говоря, благодаря этому балдахину, столь узнаваемому и удобному для карикатурного изображения (особенно отличался в этом смысле советский журнал "Крокодил") о ку-клукс-клане знает практически любой: к вопросу об эффективности театрализации террора. В 1867 году в Нэшвилле, штат Теннесси, собралась тайная конвенция "клансменов", одобрившая декларацию принципов организации. В декларации участники ККК выражали преданность Конституции Соединенных Штатов (в сущности, они отрицали только принятое в 1865 году 13-е дополнение к ней, запрещающее рабство) и клялись "защищать слабых, невинных и беззащитных" - в эту категорию, по мнению клансменов, конечно же, попадали в основном про-конфедеративные белые южане. Так же предлагалось "освободить угнетенных и подавленных" и тому подобное. Конвенция также определила структуру Клана, назвав его Невидимой Империей во главе с не более не менее - "Верховным Магом Империи", наделенным автократической властью и десятью помощниками, названными "гениями" (именно в такой форме - geni - это слово является архаичной формой слова "джинн"). Другими верховными фигурами Клана были "Великий Дракон" с семьей помощниками "Гидрами", "Великий Титан" с шестью "Фуриями" ему в помощь и "Великие Циклопы пещеры", в ассистенты которым были выделены по паре "Ночных Ястребов". Очевидно, высокими словами своей декларации и упоминаниями о Конституции клансмены

рассчитывали завоевать поддержку белых южан, создав видимость легитимности, а несурзным мистицизмом запугать необразованных чернокожих.

С 1868 по 1870 годы, в то время, как федеральные "окупационные" войска постепенно покидали южные штаты и радикальные реконструкционные режимы заменялись демократическими организациями, клан все более и более маргинализировывался, становился все "свирепее". Жестокости и бесчинству многих его местных организаций не было конца, и большая их часть вышла из-под контроля самого Клана. В 1869 году Верховный Маг - бывший генерал армии конфедератов Натан Форрест - формально распустил организацию. Ку-клукс-клан вновь возродился в 1915 году в штате Джорджия, где была создана организация, принявшая за основу название, символику и некоторые принципы ККК образца IX века. Новая версия называлась "Невидимая империя - Рыцари Ку-Клукс-Клана" и была основана полковником Уильямом Симмонсом. На фоне общего ощущения смуты и тревоги в мире, у малообразованной части населения США появилось много иных врагов, кроме людей с черным цветом кожи - евреи, эмигранты, коммунисты, профсоюзы, католики. Под знамена борьбы "против всех остальных" к 20-м годам XX века встало более 3 миллионов белых американцев старше 16-и лет протестантского вероисповедания (других не принимали). Подобно шествиям в гитлеровской Германии, Ку-клукс-клан устраивал ночные факельные марши, поджигал огромные кресты и продолжал убивать людей. Во время депрессии организация существенно ослабела, однако продолжала существовать формально до 1944 года, в котором была распущена из-за того, что не могла заплатить. Однако, Клан продолжал существовать нелегально, и 1960-х мишенью клансменов, с их бомбами и ритуальными убийствами, стали активисты борьбы за гражданские права чернокожего населения. Ку-клукс-клан существует до сих пор и, по разным оценкам, в его рядах состоит от 4 до 6,5 тысяч человек. Только по официальной статистике от рук этой организации за последние сто лет погибло более двадцати тысяч человек.

А буквально в начале 2003 года в интернете появились тревожные сообщения, что Ку-клукс-клан открыл сайт... для детей. Так белые террористы учатся у арабских, для которых участие детей в террористических актах стало обыденным явлением.

Аль-Каида

Именно она перехватила у Ку-клукс-клана пальму первенства в мировом терроризме. Ее возглавляет Усама бен Ладен - "террорист N1", злодей и богач, обладающий - почти как в восточных сказках - несметными финансовыми ресурсами. После афганской операции американцев в 2002 году информационные агентства не раз приносили весть о том, что бен Ладен мертв, но серьезных доказательств нет, да и ясно, насколько сильно замаскирован и защищен главный бандит мира (достоверно известно, что у Саддама Хуссейна десятки двойников - вряд ли их меньше у бен Ладена). "Аль-Каида" - чрезвычайно мощная система с широкой сетью филиалов по всему миру. "Аль-Каида" занимается не только проведением терактов, но и серьезной кадровой работой, подготовкой спецподразделений, формирует новые экстремистские организации и радикализирует уже существующие. Целью "Аль-Каиды" является установление шариатской власти в арабских странах и создание исламского супергосударства Халифат. В ходе достижения этой цели "Аль-Каида" борется против американского и европейского присутствия в регионе и против существования государства Израиль (не брезгая при этом с удовольствием пользоваться израильским и американским оружием и техникой; об ответственности мировых держав за существование терроризма пойдет речь во второй части книги).

Организация формировалась со времен афгано-советской войны. Штаб-квартира "Аль-Каиды" в разное время находилась в разных местах - в Афганистане, в Пакистане, в Судане. Сейчас ее местонахождение достоверно не известно. Первый теракт "Аль-Каида" совершила в декабре 1992 года - в Адене, столице Йемена, была взорвана гостиница, в которой квартировали американские солдаты. Солдаты не пострадали, но погибло два австралийских туриста. В феврале 1993 года "Аль-Каида" впервые избрала своей целью Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке. В результате взрыва погибло 6 человек, раненые исчислялись сотнями. (Заметим в скобках, что башни ВТЦ в свое время строились с учетом террористической опасности; была даже просчитана прочность конструкции на случай... прямого самолетного тарана; не учли лишь, что близнецов сразит не сам удар стальной птицы, а сопутствующий пожар). После этого в течение всего последнего десятилетия двадцатого столетия "Аль-Каида" осуществила целую серию акций против американских посольств и военных баз в разных странах мира. Самые известные из этих акций - взрывы американских посольств 7 августа 1998 года в Танзании и Кении, атака на американский военный корабль "Коул" 12 октября 2000 года в Йемене, и, конечно, события 11 сентября 2001 года. И хотя до сих пор обществу не представлено окончательных веских доказательств того, что эта акция была спланирована и осуществлена "Аль-Каидой", тем не менее, считается, что это именно так.

Баджранг Дал

В Индии, в этой огромной перенаселенной стране, различные религии и национальности переплетены столь причудливым образом, что одновременно борются друг с другом мусульмане и индуисты, индуисты и христиане, индуисты и сикхи. Одной из самых агрессивных организаций страны является индуистская группа "Баджранг Дал". Она состоит в основном из молодежи и ставит своей целью изгнание христианской религии с территории Индии. Всего около двух процентов жителей этой страны - христиане, но община воспроизводится за счет новообращенных из низших каст (в Индии до сих пор действует архаическое кастовое деление общества).

В 1999 году правительство Индии возглавила идейно близкая к "Баджранг Дал" Индийская Народная Партия, в результате чего активность этой террористической организации чрезвычайно возросла, и насильственные действия против христиан приобрели массовый характер. Экстремисты убивают миссионеров, громят христианские церкви, школы и кладбища. По ходу дела фанатики преследуют и мусульман, составляющих около 15 процентов населения страны. Предметом разногласий в их отношениях является судьба мечети Бабура, построенной на месте рождения индуистского бога Рамы. 6 декабря 1992 года мечеть была разрушена сотнями тысяч индуистских фанатиков, после чего началась резня, в которой погибли несколько тысяч человек. Представители обеих религий продолжают оспаривать право на священное место, а по решению Верховного Суда от 1994 года тут запрещена любая религиозная деятельность. А насилие как всегда порождает ответное насилие: мусульмане, например, сожгли поезд с индуистами, ехавшими к разрушенной мечети: погибло 58 человек.

Хамас

Хамас - пожалуй, наиболее мощная палестинская террористическая организация. Штаб-квартира её находится то ли в Сирии, то ли в Иране. Основная цель "Хамас" - уничтожение государства Израиль и создание суверенного исламского государства Палестина. "Хамас" решает эту задачу путем методичного уничтожения евреев, видимо, надеясь убить их всех до последнего. Политическая деятельность "Хамас" обычно сводится к очередному теракту, который срывает очередной "мирный процесс". Кроме этого, организация постоянно провоцирует израильские власти на резкие действия. Израильцы всегда "поддаются" на эти провокации (что является их государственной политикой - ни одного теракта без ответа), таким образом, постоянно ухудшая свой международный имидж. Впрочем, Израиль мало волнует собственный имидж - он пытается выжить.

Естественно, "Хамас" считает свою деятельность не терроризмом, а партизанской борьбой с оккупантами. В ходе этой борьбы организация, бывает, убивает и палестинцев - если те выступают за нерелигиозный, светский путь развития Палестины или вообще поддерживают Израиль.

"Хамас" - малоуязвимая организация. В ее составе наряду с подпольными военными базами есть и легальные отделения. Они организуют вербовку новых членов, поддерживают деятельность мечетей, занимаются пропагандой, создают социальные фонды, что в сложных социальных условиях Ближнего Востока позволяет получать в свои ряды преданных сторонников. "Хамас" даже участвовал в выборах в Торговую палату Западного берега. Однажды вступив в "Хамас", выйти из него без угрозы для собственной жизни и жизни своих близких практически невозможно.

Руководит этой организацией ее создатель, шейх Ахмед Ясин, инвалид, лишенный возможности самостоятельно передвигаться с 12 лет. Ясин два раза арестовывался израильцами и даже был приговорен к пожизненному заключению, однако впоследствии его обменяли на провалившихся в Иордании агентов израильской спецслужбы "Моссад".

Харакат уль-Муджахиддин

Одна из самых мощных террористических организаций Пакистана, основанная на идеологии религиозной исламской власти. Харакат уль-Муджахиддин (ХУМ) является одной из основных действующих сторон в индо-пакистанском конфликте вокруг индийского штата Кашмир. Штаб-квартира организации находится в пакистанской провинции Пенджаб.

ХУМ была создана в 80-х годах для борьбы с советской армией в Афганистане. Когда необходимость в такой борьбе отпала, организация переориентировалась на запад и стала бороться против светских правительств в мусульманских странах, включая и сам Пакистан. Именно при помощи этой организации талибы захватили власть в Афганистане, после чего ХУМ сильно расширилась и начала террористическую борьбу в Индии.

Идеология ХУМ во многом базируется на идеях ваххабизма. Их цель - уничтожение западных ценностей вроде демократии, парламентаризма, равноправия полов. ХУМ

стремится захватить власть в Пакистане, стране, владеющей ядерным оружием и средствами его доставки. Трудно себе представить все последствия прихода ваххабитов к власти в стране, обладающей возможностью нанесения атомного удара. Тем более что основной мишенью ХУМ будет являться Индия, тоже владеющая ядерным оружием. Несмотря на эту серьезную опасность, правительство Пакистана часто негласно поддерживает эту террористическую организацию в вопросе присоединения Кашмира.

Здесь, впрочем, уместно пояснить значение часто встречающихся в разговоре об исламском терроризме понятий - "шииты", "сунниты" и "ваххабизм".

Шииты и сунниты - два основных течения в исламе, нередко враждующих между собой. Шиитов значительно меньше (примерно в десять раз), чем суннитов. В двух словах разница между ними состоит в том, что у шиитов существует культ имама - они считают духовного лидера посредником между богом и людьми, в то время как сунниты считают, что последним таким посредником был Мухаммад. Пример шиитского общества - Иран. Вспомните роль, которую играл в этой стране Аятолла Хомейни. Шииты живут в основном в Иране и Закавказье. Сунниты преобладают на остальных мусульманских территориях.

Ваххабизм - учение, сформулированное в XVIII веке Мухаммадом Ибн-Абд-аль-Ваххабом в Аравии. Ваххабизм принят в качестве государственной идеологии в Саудовской Аравии. Как учение, ваххабизм представляет собой отобранный по некоторым критериям набор постулатов, в качестве доказательств которых приводятся конкретные цитаты из Корана или Сунны (Сунна - предание о делах и помыслах Мухаммада, второй после Корана источник жизненных правил для мусульман). Если некоторые постулаты не находят соответствующей цитаты в священных книгах мусульман, ваххабистские авторы оставляют их без комментариев. Наоборот, если в Коране или Сунне есть высказывания, противоречащие некоторым постулатам ваххабизма, эти высказывания игнорируются. Например, ваххабиты называют христиан и иудеев "неверными", но при этом нигде не приводят опровергающую этот постулат каноническую цитату из Корана:

"Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудейство, и христиане и сабии, которые уверовали в Бога и в Последний день и творили благое, - им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны" (Коран, 2:62)
Напротив, Ибн-Абд-аль-Ваххаб приводит высказывание пророка Мухаммада:

"Когда у них умирает праведный человек или праведный раб Аллаха, они сооружают на его могиле храм и рисуют в нем его изображения. Это наихудшие из творений Аллаха!"
Из этого высказывания (не уточняя совершенно, кого именно имел в виду пророк) идеолог ваххабизма делает следующий смелый вывод:

"Да падет проклятие Аллаха на иудеев и христиан, которые превратили могилы своих пророков в храмы!" (Ибн-Абд-аль-Ваххаб, "Книга единобожия", стр.119)

Совершенно очевидно, что таким образом можно построить учение любой направленности - только это не будет учением. Это будет не более чем интерпретация основополагающих исламских книг в определенных целях. Такие цели у Ибн-Абд-аль-Ваххаба вполне могли существовать, но их актуальность вряд ли выходит за пределы аравийского контекста XVIII века.

В семидесятые годы ваххабизм стал распространяться за пределы Саудовской Аравии - во многом при помощи США, которые таким образом хотели помочь формированию антисоветских сил на Среднем Востоке.

Хизбалла

"Хизбалла", она же "Исламский Джихад" - одна из наиболее мощных организаций не только в Ливане, но и на всем Ближнем Востоке. "Хизбалла" занимается парламентской деятельностью в Ливане, финансирует школы, больницы, клиники, имеет теле- и радиостанцию, выпускает еженедельный журнал, проводит в жизнь обширную социальную программу. Но за пределами Ливана она известна, конечно, в своей террористической ипостаси.

Изначально "Хизбалла" стояла на анти-западных и анти-израильских позициях. На рубеже 90-х годов она противостояла израильской оккупации Южного Ливана, где несла большие потери. Тем не менее, популярность организации в Ливане постоянно росла, особенно после грубо проведенной в 1996 году израильской операции "Гроздь гнева", в ходе которой погибло много мирных ливанцев. Сейчас, несмотря на большие людские потери в схватках с израильской армией, "Хизбалла" снова представляет собой весьма боеспособную организацию. Именно "Хизбалла" первой начала массово использовать террористов-смертников и заминированные автомобили. В настоящее время ходят слухи о том, что "Хизбалла" контактирует с "Аль-Каидой", и не исключено, что одной из следующих целей

США станет Ливан, где "Хизбалла" играет роль серьезной политической организации, даже несмотря на то, что взгляды руководства "Хизбаллы" стали гораздо более умеренными.

Дашнакцутюн

Организационный съезд "дашнаков" состоялся в 1890 году. Свежеучрежденная структура с филиалами в Закавказье, Турции, Иране, провозгласила борьбу за достоинство и свободу армян на территории Турции (которую армяне, впрочем, считали своей землей), а главными врагами - турецких политиков. И не только политиков: в конце столетия прогремел захват дашнаками Османского банка в Константинополе. Русское царское правительство поддерживало организацию - в русле своей антитурецкой политики. Однако в начале двадцатого столетия было передано в управление Петербургу имущество Армянской церкви, и отношения стали, мягко говоря, прохладнее.

В 1901 году беженцам из турецкой Армении разрешено было селиться в российском Закавказье: из этих нищих людей без будущего организация и рекрутировала себе боевиков. Имея штыки и деньги (пожертвования от организаций и частных лиц на борьбу с мусульманами, что стало особо актуально после гражданской войны 1905 года между татарами и армянами на территории Армении и современного Азербайджана), Дашнакцутюн стала весьма влиятельной силой, а во время гражданской войны в России, сформировала тогдашнее правительство Армении.

Второй пик террористической активности группировки приходится на двадцатые годы. После Первой мировой войны Дашнакцутюн стала мстить тем, кто осуществлял геноцид армян. 15 марта 1921 года убили в Шарлоттенбурге Талаат-пашу (германский суд оправдал террористов, имея в виду, очевидно, их приверженность "высоким целям"). 19 июля 1921 года убит Дживаншир, организатор армянских погромов в Баку. 6 декабря 1921 года в Риме их жертвой пал экс-премьер-министр Турции Саид Халим-паша. Это далеко не полный список высокопоставленных жертв Дашнакцутюн.

Третий пик армянского терроризма зафиксирован совсем недавно, в 1970-е годы. Кто-то решил еще раз привлечь внимание политиков и народов к положению армянского народа. Наследники дашнаков (многочисленные "сопротивления" и "освободительные армии") 1972 по 1975 год провели более тридцати атак на турецкие посольства в разных странах. А 8 января 1977 года группа в составе трех человек организовала три взрыва в Москве: на станции метро "Первомайская", в магазине №15 Бауманского района и на улице 25 октября. Оболочкой бомбам послужили гусятницы. В результате этих взрывов 6 человек погибли и 37 были ранены. Та же группа террористов планировала осуществить серию взрывов в Москве 7 ноября, в день празднования 60-й годовщины Октябрьской революции, однако советские спецслужбы арестовали боевиков.

Удивительно, но армянские террористы достигли многих своих целей: геноцид армян турецким правительством в 1915 году был признан и осужден Францией, Канадой, Австралией, а затем и Европарламентом. Армения стала независимым государством, а потом и установила контроль над Нагорным Карабахом. Террор пошел на убыль, но Армянская секретная армия освобождения уже объявила о необходимости восстановить Армению в "исторических границах" (то есть включить в ее состав солидные куски Турции, Ирана и Азербайджана), и понятно, к чему может привести последовательное служение этой идее.

Аум Синрикэ

Секта была основана на рубеже девяностых японцем Тидзуо Мацумото - бывшим специалистом в области иглоукалывания, хозяином нескольких ресторанов дешевой китайской кухни в Японии. Учение Мацумото, как это всегда бывает с сектантскими теориями, - винегрет из буддизма, индуизма и христианства. В центре - идея спасения всего человечества, основанная на трех принципах: избавление людей от болезней; достижение счастья в этом мире; достижения просветления и освобождения.

Особый резонанс вызвала деятельность Мацумото - нам он известен как Секо Асахара - в России. В Москве он встретил радушный прием, причем, по слухам, на очень высоком уровне, во властных структурах. Летом 1992 года он открыл в Москве филиал, в 1994 г., в России было образовано Московское религиозное объединение "Учение истины АУМ". Раз в неделю в лучшее время Асахара вещал по радиостанции "Маяк" и по телеканалу "2x2", регулярно арендовал на двое-трое суток, спорткомплекс "Олимпийский" и даже имел охрану, набранную из бывших сотрудников КГБ. Результат не заставил себя долго ждать: членами "АУМ" в России стали около 35 тысяч человек. Каждый из них при поступлении в секту заполнял серьезную анкету, в которой требовалось указать: группу крови, наличие водительских прав, перечень интересов (состоящий из 24 пунктов и включающий в себя различные области наук).

В марте 1995 года произошла газовая атака в Токийском метрополитене. У полиции

появились основания полагать, что к теракту в Токийской подземке причастна секта "АУМ Сенрике". Разразился скандал, началось тщательное расследование. В 100 км от Токио, на земле АУМ, был обнаружен небольшой заводик, оснащенный ультрасовременным оборудованием и сырьем для производства химического оружия и нервнопаралитических газов. В образцах почвы с территории завода были обнаружены следы зарина и места тайных захоронений людей. Более того - у одного из сектантов нашли документацию по обогащению урана для атомных станций и ядерных бомб. По основной версии, документы были вывезены из России.

Тигры Освобождения Тамил Элама

Организация Тигры Освобождения Тамил Элама возникла в Шри-Ланке в 1976 году для борьбы за создание самостоятельного тамильского государства - на основе уже существовавшей четыре года организации "Тамильские Новые Тигры". С 1983 года организация ведёт регулярную боевую деятельность против правительства и гражданского населения. Политические убийства высокопоставленных чиновников следовали один за одним в 1990-1993 гг. Были убиты умеренный тамильский политик Амирталигам (1990), министр Ранджан Виджератн (1990), Раджив Ганди (1991), Армейский Генерал Дензил Коббакадува (1992), Главный Вице-Адмирал Кланси Фернандо (1992), в 1993 году при взрыве бомбы убит Президент Ранасинге Премабаса. Для ТОТЭ характерно осуществление взрывов в местах скопления людей: в храмах, банках, в транспортных средствах, а также вооружённые операции, приводящие к многочисленным жертвам.

Численность боевых подразделений ТОТЭ составляет до 10000 человек. Борьба ТОТЭ отличается отчаянным фанатизмом. Кодекс поведения боевиков ТОТЭ запрещает попадать в плен, что заставляет их совершать самоубийства при угрозе пленения правительственными силами.

ТОТЭ управляют северными и восточными прибрежными областями Шри-Ланки. Резиденция лидера ТОТЭ Велупиллаи Прабхакарана находится на полуострове Джафна, являющемся оплотом повстанцев. ТОТЭ имеют многочисленные зарубежные филиалы (Всемирная Ассоциация Тамилы, Всемирное Движение Тамилы, Федерация Ассоциаций Канадских Тамилы), действующие на базе многочисленной тамильской диаспоры. Организации, представляющие ТОТЭ, лоббируют интересы "тигров" перед различными правительствами и в ООН.

РАФ

"Фракции Красной Армии" (Rote Armeefraktion) - один из ярчайших примеров интернациональности террористических идей. Бригады возникли не на "Диком Востоке" (хотя и обучались одно время в Ливане на базе боевиков), а в благополучной Германии. В конце шестидесятых волна молодежных волнений, прокатившаяся по всему миру, породила к жизни не только безобидные требования легализации марихуаны, не только сакраментальную "свободную любовь", но и нечто совсем противоположное: бессмысленное социальное насилие. "Коммуна N1", созданная в 1966 году в Западном Берлине юными Андреасом Баадером и Гудрун Энслин для противостояния "обществу свиней", развивалась не слишком экстенсивно (даже в "лучшие" годы в РАФ состояли лишь считанные десятки боевиков), но весьма интенсивно: это были идейные (я бы сказал - сумасшедшие) боевики, и у них было много сочувствующих в самом "обществе свиней".

Теракты начались в 1968 году: покушение в Гамбурге на медиа-магната Шпрингера, взрыв в универсаме Франкфурта-на-Майне, взрыв в издательстве того же Шпрингера. Баадер был арестован, но бежал с помощью уважаемых "сочувствующих", и РАФ взялись за дело всерьез. Стали выпускать пропагандистские книги, грабёж банка в Берлине обеспечил организацию первыми серьезными деньгами (200 000 тогдашних марок), и дело пошло. 1970 год: 80 акций по всей Германии (большая часть поджоги и взрывы). 1971: 5555 терактов (и 2 миллиона марок в партийную кассу). В 1972 году только за две недели мая - 5 крупных взрывов. Баадер вновь арестован, попались в руки полиции и другие активисты, произошёл так называемый "первый разгром РАФ". Лидеры банды, однако, продолжали пропагандистскую работу из тюрьмы, и с 1974 года началась новая волна терактов РАФ, среди которых были такие громкие, как убийство Генерального Прокурора и председателя Союза западногерманских предпринимателей. 13 октября 1977 года двое членов организации, скооперировавшись с двумя арабскими преступниками, взяли в заложники пассажиров самолета "Люфтганзы". Самолету дали улететь в Сомали и взяли штурмом в аэропорту. Лидеры РАФ погибли в тюрьме при загадочных обстоятельствах (официальная версия - самоубийство). Последовала чистка по всей стране, закончившаяся арестом 169 активистов. Сейчас "Фракции" продолжают существовать, время от времени напоминая о себе политическими заявлениями.

Ирландская Республиканская Армия (ИРА)

Первая ИРА была учреждена в 1860 году, и являлась вооруженным отделением "фенианского" движения, которое, однако, не достигло больших успехов и прекратило существование в середине 1880-х годов.

Название ИРА было заимствовано объединением Ирландских Добровольцев, воевавших против британской армии в период с 1919 по 1921 год, на поздних стадиях так называемой "Ирландской революции". Добровольцы самоучредились в 1910-х в ответ на появление в Ольстере (на Севере) Ольстерских Добровольцев, которые, наоборот, пытались предотвратить самоуправление в Ирландии - очевидно, они боялись, что это приведет к ущемлению их прав как религиозного меньшинства, так как именно в Ольстере проживает основная часть немногочисленных ирландских протестантов (большинство ирландцев - католики). В результате Ирландия в тот период оказалась раздираема между двумя влиятельными вооруженными группировками, что создало серьезную угрозу гражданской войны вокруг вопроса о самоуправлении.

Тем не менее, революция привела к соглашению, в результате которого на основе 26 провинций в Ирландии было образовано независимое государство, оставив Северную Ирландию в составе Великобритании.

Однако, сегодня название "ИРА" чаще всего ассоциируется с современной "Временной Ирландской Республиканской Армией" (так называемые "Провизионисты"), образованной в 1972 году. С момента своего создания организация вела последовательную террористическую кампанию против Великобритании и ее мирных жителей, надеясь вынудить британцев к выводу их армии из Северной Ирландии и сделать возможным образование объединенной Ирландской Республики. В 1969-1972 годах, британские войска были введены в Северную Ирландию чтобы разделить местных католиков и протестантов и прекратить кровопролитие на почве религиозных распрей. Это привело к созданию католических гетто, на "защиту" которых встали провизионисты. К 1971 году между ИРА и британской армией шла самая настоящая война, в которой к маю 1974 года погибло более 200 человек. Провизионисты не "гнушались" также и взрывами в магазинах и прочих коммерческих заведениях, надеясь таким образом подорвать экономические основы Северной Ирландии, сделав управление территорией слишком убыточным для британцев.

Правительство также без дела не сидело. Были и массовые аресты среди католиков, и "Кровавое Воскресенье" 30 января 1972 года, когда были расстреляны 13 невооруженных демонстрантов, принимавших участие в демонстрации за права человека в Лондонберри. Стрелявшие солдаты были оправданы судом, и это привело к мобилизации антибританских настроений среди населения, возмущенного инцидентом. 21 июня того же года последовала "Кровавая пятница", в которую провизионалисты взорвали 22 бомбы в Белфасте, убив при этом девять мирных жителей.

В середине 70-х ИРА затеяла кампанию против британских биз-несов, сосредоточенную на взрывах в отелях и общественных зданиях, повлекших к большому числу жертв. Часто применимой тактикой в борьбе ИРА против военных и полиции стали бомбы в автомобилях. В 1994 году взрыв на Атлантической Бирже в Лондоне причинил ущерб, оценивающийся в миллионы долларов.

Партия Шинн Фейн, "политическое крыло" ИРА, поддерживается в среднем 12 процентами населения Северной Ирландии. 10 апреля 1998 года партия (а, следовательно, и ИРА) присоединилась к мирному соглашению. ИРА, однако же, объявила, что о ее самороспуске нечего и думать пока британские войска остаются в Северной Ирландии.

Часть первая. Глава вторая. Терроризм: настоящее и... будущее?

На чем зиждется современный терроризм?

Вернемся, однако, к формальному определению терроризма. Сетевые поисковые системы выдают на запрос "определение терроризма" массу разнообразнейших вариантов. Вот некоторые из них:

"Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями" (Б. Крозье, Великобритания).

"Терроризм - это систематическое запугивание правительств, кругов населения и целых народов путем единичного или многократного применения насилия для достижения политических, идеологических или социально-революционных целей и устремлений" (Г.

Дэникер, Швейцария).

"Терроризм - это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты". (В. Витюк и С. Эфиоров, Россия).

"Терроризм - это угроза использования или использование насилия для достижения политической цели посредством страха, принуждения или запугивания" (сборник под ред. И. Александера "Терроризм: теория и практика", США)

"Терроризм - насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений" (Законодательство Российской Федерации).

"Терроризм - это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы... Публичность террористического акта является кардинальным моментом в стратегии терроризма". (Дж. Хардман, США).

Каноническими в английском языке часто признаются значения слов, приведенные в толковом словаре Вебстера, который по этому поводу краток: "Терроризм - систематическое использование террора, в особенности как средство принуждения".

Как нетрудно заметить, большинство определений предлагает "внешнее" описание терроризма (касающееся того, что, собственно, происходит - гремят взрывы и пр.), но почти не затрагивает сущностных моментов.

А таких моментов, - моментов, характеризующих не терроризм вообще, а данный нам, увы, в ощущениях терроризм нового времени, на мой взгляд, три. Это роль информации, медийной составляющей террористического акта; это готовность террориста погибнуть за достижение цели; это, наконец, суть глобального конфликта, обеспечивающего воспроизводство терроризма.

Как информация становится оружием?

Итак, медиа. Уже упоминавшийся Николай Морозов - народоволец, каторжник, шлиссельбуржец, а при Советах - почетный академик АН СССР - опубликовал в "классический период" русского террора статью "Значение политических убийств". В ней - помимо дьявольской жажды крови, испугавшей в какой-то момент даже отнюдь не травоядных народовольцев, отстранивших в какой-то момент Морозова от выработки тактики организации - присутствовало прелюбопытное замечание. **"Политическое убийство, нанося удар в самый центр правительственной организации, со страшной силой заставляет содрогнуться всю систему. Как электрическим током, мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях"**. Это - ключевое соображение. Именно публичность - главное и неперемное условие современного террористического акта. Терракт, о котором никто не узнал (или узнало недостаточно большое количество людей) - не состоялся. Конечно, он состоялся для жертв, для их родных, произошла трагедия, - но оказался бессмысленным с точки зрения самого террориста и поставленных им целей. "Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы террористического акта" - пишет тот же Дж. Хардман. Это - центральная, определяющая стратегию и тактику современного террориста логика. Есть такая китайская поговорка - "Убить одного, запугать многих". "Многие" должны узнать о злодеянии, иначе оно не будет полноценным террористическим актом. Логично предположить, что медийный - т.е. современный - терроризм начинается именно в последней четверти позапрошлого века - с

развитием средств массовой коммуникации (изобретением телеграфа, например). Но до сравнительного недавнего времени медийное оружие работало не в полную силу - в виду некоторых свойств самой среды масс-медиа. Свойства эти радикально изменились буквально на наших глазах: с появлением непрерывного прямого телевизионного вещания и интернет-технологий. Поль Вирилио назвал новую информационную реальность "тиранией реального времени". Круглосуточное прямое включение провоцирует на разнообразные спекуляции: зритель полагает, что наблюдает за событием напрямую, а на самом деле наблюдает за ситуацией глазами одного-единственного корреспондента, который находится не вовне, а внутри информационного потока: а изнутри, как известно, трудно составить неложное представление о целом. В культурологии даже появилось понятие "мертвецы Темишоара": во время военных действий в Румынии несколько трупов перевезились с места на место - для новых и новых съемок, свидетельствующих - разумеется, в прямом эфире - о большом количестве жертв... Эффективность телевизионного эфира, как способа манипуляции умами, была вынесена на суд публики Голливудом в 1997 году. В фильме "Wag the Dog" (из-за непереводимости названия, изданном в России под титулом "Плутство"). Неназванный президент накануне выборов оказывается замешанным в пикантном скандале. Президент нанимает пиарщика (Роберта Де Ниро) для того, чтобы отвлечь публику от нежелательной неприяности. Пиарщик обращается к кинорежиссеру (Дастину Хофману), и вдвоем они организуют войну США с Албанией - то есть, конечно, не войну, а видимость войны. Проанализировав телевизионные сюжеты о войне в Персидском заливе, Де Ниро и Хоффман осознают, что пара студийных видеоклипов с разрушенными зданиями и бегающими беженцами, распространенных в виде "утечки" на телевидении, будет вполне достаточно для того, чтобы сплотить нацию в патриотическом порыве за спиной Президента. В качестве объяснения причин войны они приводят мистических албанских террористов, якобы укравших секретный американский бомбардировщик, чтобы использовать его же против мирного населения США. Нечего и говорить, что их план работает "на ура".

Виртуальная реальность стала если не "реальнее" реальности, то, во всяком случае, влиятельнее, важнее. Цена действия, совершенного под прицелом телекамер, возрастает стократно. И даже провоцирует "медиа-преступления": атака на башни-близнецы стала событием всемирной истории из-за беспрецедентного, в мирное время, количества жертв и разрушений - но она навсегда запечатлелась в памяти каждого человека во всем мире как визуальная форма террора - картина ужаса которую в прямом эфире увидели миллиарды.

Символический выбор объекта (сердце финансовой системы современности) и чисто визуальные характеристики происшествия заставили некоторых наблюдателей говорить об "идеальном теракте". Композитор-авангардист Карл Штокгаузен назвал атаку величайшим художественным произведением, изрядно переполошив либеральный мир. Простим Штокгаузена - в силу возраста и общей художественной отрешенности - это чудовищное изречение; но лишь затем, чтобы лучше понимать, какие новые вызовы таит в себе ситуация, в которой образ сплошь и рядом подменяет действительность. И вспомним, в каких невероятных количествах все без исключения каналы крутили и крутили запись атаки, словно смаковали дьявольское зрелище.

А "режиссеры" теракта на Дубровке? Они сработали с какой-то воистину дьявольской изобретательностью. В том, что они ударили "по искусству", можно усмотреть философский смысл: миру, погрязшему в вымышленной, виртуальной реальности продемонстрировали, что значит недооценивать грубую физическую силу. Можно усмотреть смысл социологический: мюзикл - символ беззаботности, которую могут себе позволить лишь хотя бы отчасти благополучные люди. Но дело, на мой взгляд, не в этом.

Все гораздо коварнее: бандиты выбрали место, в котором мог оказаться каждый из нас.

История может научить чему-нибудь лишь в том случае, если мы анализируем ее уроки. Потому - даже если это покажется кошунственным - мы должны сравнить трагедию "Норд-Оста" с другими московскими терактами: взрывом жилых домов и взрывом на Пушкинской площади. Идентифицировать себя с жертвами мог далеко не каждый. На самом деле, владелец элитного жилья, чей двор охраняется почти как Кремль, может быть спокоен за крышу над головой. Улица Гурьянова и Каширка далеки от него как в прямом, так и переносном смысле. Точно также и владелец автомобиля не передвигается по городу на транспорте и редко бывает в подземных переходах - представить себя стоящим у ларька в "Трубе" под Пушкой в момент взрыва ему не так легко.

Это не цинизм, а естественное свойство человеческой природы - переживать прежде всего за свою жизнь и за жизнь близких. Более того, именно ощущение высшей ценности собственной жизни - основа гуманистической цивилизации. Но мюзикл - демократическое, народное зрелище. В зале может оказаться и дочь президента (удивительная история: вечером 23 октября дочь и зять Леонида Кучмы собирались на "Норд-Ост", но потом отказались, и вечер мы провели вместе), и банкир, и бедный студент, и кассирша мини-маркета из спального района. Кроме того, на мюзиклы - насладиться новомодной столичной

забавой - приходит и множество гостей столицы. Террористы захватили в заложники Россию в миниатюре. Зрители мюзикла - среднестатистический срез общества, которому террористы решили бросить вызов. С точки зрения пи-ара все было разыграно весьма профессионально.

Здесь, хотя бы вскользь необходимо затронуть проблему заигрывания массовой культуры с террористическими "брендами". Вот совсем недавно появилась на эстрадных подмостках певица, которая "позиционируется" (я вовсе не считаю это слово ругательным, но здесь его хочется взять в кавычки) как внучка Бен Ладена. Неудивительно, что о ней пишут, на концерты ее ходят, диски ее - раскупают (будем надеяться, что заработанные на кровавом имени деньги не поступают на счета террористических организаций!). В Украине есть женщина, взявшая себе политический псевдоним Бен Ладен, и даже участвовавшая под этим именем в местных выборах. Маски Бен Ладена продаются повсеместно. Или вот пример из близкой мне области - актуального искусства: "Сибирская группа" (Д.Булныгин, В.Мизин, К.Скотников) прошумела в прошлом году в Европе фотографиями, на которых трое почти обнаженных мужчин щеголяли масками Бен Ладена, Путина и Буша). А петербургский фотограф Дмитрий Шубин выпустил набор открыток с видами родного города (снятыми подчеркнуто стандартно, невыразительно): на обратной стороне открытки указывалось, какой именно громкий теракт и когда произошел на снятом месте... Массовая - да и элитарная культура - традиционно присваивает любые порождаемые жизнью образы, но не может ли такая деятельность - в новейших тревожных условиях - оказаться игрой с огнем? Вопрос, достойный дискуссии. "Медийность" терроризма, однако, проявляется и на других уровнях. Сам образ террориста-героя, смертника-символа есть продукт серьезнейшей информационной работы. Изучая, например, исламские плакаты, призывающие к войне с неверными, диву даешься, насколько они близки к приснопамятной эстетике советской пропаганды! Пропаганда, она, видимо, и впрямь, и в Африке - пропаганда. Кроме того, сама убежденность в том, что я живу несправедливо бедно в сравнении с теми-то и теми-то, есть результат медиа-работы. Чтобы человек ощутил в полной мере свою втосортность, необходимо серьезно загрузить его соответствующей информацией... И, наконец, стоит помнить, что вожаки террора не могли бы руководить из горных пещер своими армиями в отсутствии надежной спутниковой связи...

Как победить самоубийц?

Второй "килт", на котором базируется современный терроризм, это обилие самоубийц, готовых принести себя в жертву ради удачи злодеяния. В уже цитированной работе Николай Морозов писал, что современная (ему) террористическая борьба может обойтись без жертв среди террористов. "Правосудие совершается, но исполнители его могут остаться и живы. Исчезая бесследно (с места преступления - М.Г.), они могут снова бороться с врагом, снова ждать и работать для своего дела....". На первый взгляд - трусливые и подлые слова. Таковы, впрочем, они и на второй, и на какой угодно взгляд, но парадоксальным образом именно эта трусость террористов останавливала развитие терроризма, давала ему естественный предел в виде жизни самого террориста. Это мы понимаем сегодня, после близкого и убедительного (несмотря на виртуальность) знакомства с летчиками-камикадзе в Нью-Йорке и девушками в "шахидских поясах" в Москве.

Страшно не то, что существуют люди, которые легко относятся к чужой жизни ("если этот не умрет, я не могу жить" - так объяснял психологию террориста Василий Розанов): то есть, и это, разумеется, страшно, и очень страшно, но это известный, "старый" страх. А теперь в больших количествах возникли новые террористы, которые так же легко относятся к своей жизни. Причем, оказалось, что это явление может иметь массовый характер. На службе у терроризма - тысячи смертников.

Вся наша цивилизация основана на том, что для человека его жизнь - высшая ценность. В том числе, вся система обороны основана на этом базовом, казалось бы, инстинкте. Теперь представьте себе, что вы, торгуясь с террористом, говорите ему: твоя жизнь на кону. А он отвечает: нет проблем. Для человека, который не ценит свою жизнь, потратить десять лет на обучение, службу в американской армии, получение доступа к боевой технике - ничего не стоит.

С другой же стороны баррикад оказываются люди с нормальными инстинктами. Люди, дорожащие жизнью. Если бы - представим на секунду - заложник был готов погибнуть ради того, чтобы террорист не добился своей цели, это была бы равная борьба. Но мы, разумеется, не можем пойти на пересмотр постулата о высшей и безусловной ценности. Следовательно, одна из стратегических задач: укрепление представления о значимости человеческой жизни. Я не религиозный человек, и, признаться, не слишком серьезно относился ранее к христианскому осуждению самоубийц, которым отказывают в отпевании и похоронах в освященной земле. Согласно христианской доктрине, самоубийство - покушение на жизнь, дарованную Богом, и самому человеку не принадлежащую. Мне же казалось, что самоубийство во многих случаях можно оправдать: мало ли какие возникли у

человека в жизни непреодолимые обстоятельства. Несчастливая любовь, например, казалась вполне уважительной причиной (хотя, возможно, это взгляд свойственный, скорее юности, нежели атеизму). Но теперь я понимаю, что этот запрет имеет смысл. Самоубийство - разрушение основ построенной нами цивилизации, огромная для нее опасность.

Кто против кого?

И третий "кит": конфликт цивилизаций. Самая, возможно, спорная глава этого текста. Скорее, авторские размышления, нежели результат длительного анализа. Какие глобальные противоречия приводят в действие кровавую технологию терроризма? Самый популярный на сегодня ответ: конфликт между богатым Севером (так сказать, верхним полушарием планеты) и бедным Югом (нижним полушарием). Я думаю, это не совсем верная позиция. Во-первых, большинство терактов, упомянутых в этой книге, произошло в Северном полушарии, и были осуществлены руками террористов, обитающих в Северном полушарии. Во-вторых, среди террористов - или, по крайней мере, заказчиков терроризма, много богатых людей: иначе бы откуда брались миллионы, необходимые для подготовки и осуществления сложнейших операций?

Более продуктивно, по моему мнению, рассматривать оппозицию "новаторство - традиция". Для либерального мира развитие - ключевое слово. Сегодня машины едут с такой скоростью, завтра - с большей, сегодня компьютеры такой мощности - завтра большей, сегодня мы живем столько - завтра дольше. Сама финансовая система - сердцевина общественного устройства - организована так, что движение денег не может быть остановлено, иначе они обесценятся (тысяча долларов сегодня и двадцать лет назад - принципиально разные суммы, хотя, конечно, в условиях нормально функционирующей экономики тысяча долларов за двадцать лет приносит доход, значительно превосходящий темпы инфляции). Даже недвижимость не обеспечивает сохранения капиталов: ее нужно содержать, на нее нужно платить налог и т.д. Колесо крутится все быстрее. Хорошо это или плохо с общеполитической точки зрения - судить не мне, но такова реальность. В таком положении дел много хорошего: в частности, мир развития - открытый мир. Наглядный пример: если посмотреть список самых богатых людей Земли, выяснится, что весьма немногие из них получили богатство по наследству. Большинство - заработали. Мобильная ситуация дает возможность пассионариям стать элитой (в этом смысле, "самые богатые", разумеется, не мафия, а элита).

Новаторству противостоит традиция: кастовое общество, неизбежная иерархия взаимоотношений, "заветы предков" (те же лица мусульманских женщин, закрытые чадры), а главное - нежелание (и неумение) участвовать в мировой гонке. И во взаимоотношении этих двух основных принципов бытия не так давно (лет, может быть, сто с небольшим назад) произошел перелом.

В чем его суть? На протяжении долгих веков мусульманский мир успешно, так сказать, соревновался с христианским миром. Где-то достижения больше у нас, где-то у них. В новейшее время - за счет того, что мусульмане настаивали на сохранении традиционного уклада - они стали отставать. Мусульманский мир мало того что стал чаще и чаще становиться "вторым": он начал проигрывать и Восток, свою, казалось бы, традиционную территорию. Экономическое чудо "азиатских тигров" - продукт западной системы ценностей. А мы не учитывали, или плохо учитывали мусульманский мир. Он был "отстающим", ему предлагалось мирно ассимилироваться... Мусульмане почувствовали себя загнанными в тупик. Неспособность адаптироваться в быстро меняющемся мире - плодотворная почва для агрессии.

В чем-то эта ситуация напоминает и Россию, которая на 70 лет выпала из поля общемировой цивилизации. Пусть это были те же 70 лет, за которые мы изобрели атомную бомбу и отправили человека в космос, но мы просуществовали все это время в удивительной изоляции. Теперь все вдруг внезапно поняли, что для России нет места в новом мире, что мир уже построен, везде есть свой хозяин и всё давно поделено (кроме, возможно, наших природных ресурсов, которыми обусловлена большая часть мирового интереса к России). И случилось так, что двум большим мирам - России и мусульманскому миру - места в этом мире нет, с ними никто не намерен считаться. И если России - за счёт того, что она относится в большей степени к западной цивилизации - в каком-то смысле показано, отведено определенное место, то мусульманский мир существует как бы экстерриториально, его существование не санкционировано. И если все проблемы России - это скорее проблемы организационного характера, то проблема мусульман - уничтожение самих основ их цивилизации, без которых как кажется исламская цивилизация существовать не может. Если, скажем, для "отстающей" России понятны алгоритмы развития - нужно сделать то-то, то-то и то-то, и мы станем частью Мира, то для мусульманского мира такого алгоритма, прописанной технологии нет.

Вот мусульманам и кажется, что им осталось одно: показать, что созданная Западом

конструкция неустойчива. Таким образом, традиционное общество защищается от либерального. И мы не можем просто сказать, что оно "не право". Конструкция действительно неустойчивая. Конфронтация порождает конфронтацию, нежелание идти навстречу другому миру оборачивается новыми жертвами.

Есть террористы и - террористы?

Конечно, очень важно понимать, что мир террора - не единый мир. Есть люди, которые отдают приказы и есть люди, которые их выполняют. Первые рискуют - в худшем для них случае - деньгами (очень редко - свободой), вторые - жизнью. Психолог Эмма Рутман выступая недавно по одному из телеканалов, разделила психологию терроризма и психологию террористов. "Психология терроризма - это психология тех людей, которые манипулируют другими, дабы сделать их террористами. А психология террориста, если ее дотошно рассматривать... Ее элементы могут быть обнаружены у любого человека..." И первые люди делают все, чтобы превратить вторых в убийц. Нет, я не призываю к прощению "слепых орудий": взрослый человек обязан отвечать за свои поступки. Но дело в том, что сплошь и рядом в роли террористов оказываются дети (за примером, к несчастью, снова не надо ходить далеко: среди захватчиков "Норд-Оста" были совсем юные чеченские девушки). Потому надо помнить о том, что командует подчас один, а убивает другой. Между прочим, это противоречие можно использовать в информационной войне с терроризмом: образ хищного бородача, вовсе не собирающегося обменивать свою жизнь на "77 гурий в Раю", умножающего свое богатство с каждой смертью соратников, может иметь реальный контрпропагандистский эффект.

К сожалению, однако, те люди, кто наиболее подвластен технологиям "промывания мозгов", применяемым Бен Ладенами мира сего - не те же, на кого образ жадного бородача оказывает контрпропагандистский эффект. И даже вообще не те, кто смотрит Си-эн-эн. Мы же - те, кто смотрит ТВ и ужасается при виде бородача и его соратников, - и так против терроризма, и большинство из нас на "мозго-промывочную" дешевку не купит.

Часть вторая. Глава первая. Что делать?

Для меня, как и для многих моих коллег, свобода слова долгое время была священной. Вспомните перестройку, шум вокруг публикации запретных книг, "возвращенной литературы". Появление в печати "Собачьего сердца" Булгакова, произведений Солженицына или даже "Лолиты" Набокова - все это воспринималось, как очередной прорыв к свободе, как новая трещина в стене тоталитаризма. Слово было, или, во всяком случае, казалось делом, причем важнейшим, решающим делом. Казалось, еще немного, запретных тем не останется, и открыт путь напрямик в "светлое будущее": все остальные проблемы уж как-нибудь да решатся, устояла бы безграничная гласность. Конечно, это упование было слишком наивным, и довольно скоро выяснилось, что у России много и других проблем. Но даже и после осознания этой наивности, трепетное отношение к свободе слова сохранилось. Что бы ни происходило, мы стоим на своем: высказывать можно все, идеи можно обсуждать любые. Это не есть преступление, это не есть угроза, а, напротив, - условие развития.

Отношение к свободе слова, однако, никогда не было однозначным, и даже в последние полвека оно претерпевало существенные изменения. В 1948 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав человека, где провозглашалось практически безграничная вольница: "каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами". Именно этот пункт позволял, например, существовать вещанию "Голоса Америки" на Россию и контрпропагандистского "Голоса России" - на Америку.

Эта идеальная формулировка, однако, уже через два года, при принятии Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, получила следующее уточнение: "Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально". Таким образом, еще в середине прошлого

века было сформулировано противоречие между идеальным представлением о свободе и безопасностью с одной стороны, и свободой и правом лиц на нераспространение информации - ну, допустим, о личной жизни. И вот пришло время, когда это противоречие потребовало, наконец, разрешения.

Я уже около двадцати лет занимаюсь современным ("актуальным") искусством. И вижу, что журналистика и современное искусство схожи в одном базовом пункте: эти области общественной деятельности дистанцированы от общества, не идентифицируют себя с обществом. Они существуют для критики общества (в случае журналистики - критики конкретных пороков, в случае искусства - для критики языков, символов). Право на критическое высказывание - это, собственно, социальный интерес этих групп, во многом - основа их существования. Но дело даже не в том, что если лишить радикального художника возможности деконструировать религиозные, например, образы, то он загнется от голода или недосамовыражения. Дело в том, что и обществу такая критика принципиально нужна. Это не прихоть индивидуалистов-интеллектуалов, а насущная необходимость: обществу нужно, чтобы на него смотрели со стороны, давали ему самые нелицеприятные оценки, общество нуждается в зеркале. В последней четверти двадцатого века актуальное искусство стало брать на себя функции философии (наглядно показывать, основываясь на самых свежих философских идеях, какие ключевые изменения происходят в структуре социума). То же и с журналистикой - в России к концу столетия она переняла у литературы статус властительницы умов. Следовательно, говоря о праве на критику, мы говорим о базовых принципах цивилизации. И, тем не менее, в новых условиях ставится вопрос об ограничении свободы слова и распространения творчества во имя безопасности.

Стреляют ли нарисованные человечки?

Не стреляют. Это я могу утверждать со всей ответственностью, как галерист. Фильм о войне не есть война, детектив не есть призыв к насилию. Нормальный человек чувствует грань между жизнью и искусством, относится к происходящему на экране дистанцированно. От фильма - вспомним хотя бы приключения Джеймса Бонда - даже не требуется правдоподобия: нужны лишь эффектные трюки и увлекательный сюжет.

Более сложный пример: выходят, скажем, воспоминания террориста о его "героическом пути". Мемуары реального террориста, убийцы - являются ли они потенциально опасной книгой, нужно ли их запрещать? Я думаю, что нет. Ситуация, в которой был риск для жизни, уже прошла. А вне этой ситуации разница между мемуарами террориста и художественным фильмом о терроризме мне непонятна. Мемуары - это ведь не объективное видение, а творческое преломление фактов, а фильм, в свою очередь, может быть основан на реальных событиях... Ограничивая публикацию мемуаров террориста, мы говорим: человек неразумен. Прочитав эти мемуары, он сам может стать террористом. То же самое можно сказать о чем угодно - посмотрев фильм, он становится террористом, прослушав гимн какой-нибудь группы боевиков, он может стать террористом, песня с радио "Шансон" толкнет слушателя в объятия сентиментального российского криминала и т.д. и т.п. (Отдельный вопрос - деньги, который террорист получит за свой мемуар - а такие книги часто становятся бестселлерами - и дальнейшая их судьба; но контроль за финансовыми потоками террористов, - это другая тема).

В США, например, существует закон, известный как Закон Сына и Сэма, запрещающий осужденным преступникам получать прибыль от публикации и распространения книг, описывающих свершенные ими преступления - не ограничивая при этом их права писать и публиковать такие книги.

Нельзя так же забывать, что, вне зависимости от наложенных (или не наложенных) обществом запретов, Интернет всегда будет доступен террористам - как старым, так и молодым, так и всем остальным - как платформа. Однако, ограничивая таких людей в каналах публикации их текстов, мы, как общество, маргинализуем их, "загоняем" в Интернет, где, запрещенные и таинственные, они будут куда более привлекательны в качестве идола для молодежи (а так - какой радикальный подросток захочет повторять жизненный путь дяденьки, чья книга выставлена в витрине солидного магазина?).

И тут мы снова возвращаемся к вопросу о проникающей массовости современных коммуникаций. До информационного бума искусство всегда взаимодействовало с более или менее образованной частью общества. Маргиналы, не имеющие опыта рефлексии, с искусством дела имели меньше. Философские тексты левых радикалов, например, потреблялись не толпой, а другими философами, которые ценили остроту ума и языка, каких-то предельных метафор... Споры их имели в основном чисто академический характер. Произведение искусства способно спровоцировать неадекватную реакцию (примеры опять же близко: погром в Сахаровском центре на выставке "Осторожно, религия").

Когда послание достигает всех и каждого, к нему приходится относиться осторожнее. Но "осторожность", "защита" - понятия изменчивые. В какой-то момент города перестали

окружать каменными стенами, поскольку они перестали быть эффективными против постоянно модернизирующегося оружия. В современной войне цель террориста - не стену проломить, а информационную блокаду, и захватить не город, а умы и души людей. Донести до нас свою, если угодно, правду.

Здесь и таится едва ли не главная опасность. Ведь некоторые цели и идеи террористов, подчас звучащие вовсе не плохо, могут нами даже и разделяться. Борьба за свободу Чечни в глазах Запада, скажем, до сих пор борьба вполне праведная, - возьмите случай Закаева; не хотят же нам его выдавать... Или представьте себе захват посольства какой-то реально деспотической страны с требованием выпустить политзаключенных... Тоже благая цель! Появляется соблазн рассматривать эти цели независимо от средств - тем более, что вопрос о том, может ли цель оправдывать средства давно стала одним из главнейших вопросов цивилизованного общества, и традиционный ответ "нет" далеко не для всех и не на всем протяжении последнего столетия, как мы знаем, был очевиден.

Когда Сонни Вортзик сотоварищи 22 августа 1972 года захватили отделение банка в Бруклине (штат Нью-Йорк), взяв в заложники персонал, никто в стране еще не знал, что это ограбление будет принципиально отличаться от всех захватов банков как до, так и после. Подтянулись полицейские машины, спецназ приготовился к штурму, прозвучали знакомые требования машин и самолетов. Подъехали телевизионщики, собралась толпа зевак, начался прямой эфир.

Через несколько часов, однако, воз был и ныне там в вопросе о штурме - зато здание было окружено толпой в несколько тысяч человек, готовых защищать грабителей-захватчиков живой стеной. Журналисты исчислялись уже на десятки, если не сотни, и включали иностранных корреспондентов, явившихся, прослышав, что бандит в Бруклине, высовываясь из осажденного банка с белым флагом в руке, толкает толпе проникновенные речи про проблемы сексуальных меньшинств (справедливости ради надо сказать, что и власти, и пресса быстро смекнули, что лично Вортзик, несмотря на всю пригнанную им артиллерию, не застрелил бы не только ни одного заложника, но и мухи - однако его партнеры были более радикальны, и ситуация продолжала накаляться). Пока заложники сидели в чулане под дулами направленных на них ружей, Сонни стал национальным героем, а толпа сочувствующих ему все прибывала, угрожающе сдвигаясь вокруг и вовсе растерянных спецназа и ФБР.

Позднее Сонни Вортзик стал известен на весь мир благодаря популярному фильму "Собачий полдень" (Dog Day Afternoon), собравшему несколько номинаций на "Оскара" в 1975 году. Сонни навсегда будет запечатлен в американской культуре как Аль Пачино, мечущийся по пыльному бруклинскому тротуару с белой тряпочкой в кулаке, и нервно выкрикивающий "Аттика! Аттика!" в толпу, отвечающую многоголосным скандированием (печально известный в США штурм спецназом захваченной заключенными тюрьмы в городе Аттика, приведший к многочисленным и ненужным жертвам, представлялся Вортзику, как и многим американским либералам, политическим символом злоупотребления властью силовыми структурами).

Любая трансляция целей и идей террористов усиливает их: не идеи усиливает, а людей, готовых взрывать и убивать. Информационное пространство становится территорией войны, а значит и журналист оказывается военным... Разумеется, не всякий и не всегда. Но всегда следует помнить, что человек, работающий на телевидении, управляет бомбардировщиком, человек, работающий в газете, оснащен автоматом... Даже скромный владелец веб-сайта и тот вооружен - пусть и маленьким ножичком...

Метафора, что слово может убить, становится реальностью. Когда был изобретен порох, стало легче убивать не столько из-за эффективности нового оружия, а психологически: стало возможным убивать на расстоянии. Рукой не каждый сможет, а другое дело - на курок нажать, а еще другое дело - на кнопку нажать, даже не глядя в прицел (есть ведь компьютерные системы наводки) и не наблюдая реальных смертей. Но человек ведь должен понимать, какая реальная сила скрыта в этой кнопке... Это - другая система ответственности... Так и с журналистикой: пущенная в эфир информация может обладать разрушительной силой.

Ответственность журналистов: границы

Поскольку ограничение свободы распространения информации неизбежно и объективно необходимо, постольку надо понять, как его наиболее безболезненно провести. Надо задать себе вопросы: какого рода ограничения, кто их накладывает и как все регламентируется. Разумеется, больше всех любит ограничивать государство (любое, не только тоталитарное). Государство работает с информацией очень просто, - оно старается засекретить все, до чего дотягиваются руки (выдавая лишь те сведения, которые будто бы выгодны государству, а на самом деле - тем конкретным чиновникам, что стоят на пути

информации). Мы еще помним Чернобыль. Помним, как решение неких государственных мужей оградить народ от знания о том, что произошло в Чернобыле, многим людям стоило здоровья и жизни. Примерно с этого момента, кстати, и начала свое движение по СССР волна гласности. Или совсем свежий пример - атипичная пневмония, которую китайские власти скрывали, пока не заболел первый иностранец...

Соглашаясь, что информация действительно может быть иногда ограничена, мы не должны передоверять право на ограничение государственным мужам. Все мы знаем, на что способно чиновничество во имя достижения своих целей. Удушено может быть что угодно. И сегодня в России рейтинг Путина таков, что удушения эти могут быть восприняты вполне одобрительно. Даже среди фанатов гласности, демократов первой волны, подписчиков зальгинского "Нового мира" (его тираж в перестройку достигал двух миллионов экземпляров; сейчас он меньше десяти тысяч) и коротичевского "Огонька", за последние годы резко уменьшилось количество молящихся на свободу слова. А широкие массы населения никогда на нее особо и не молились, и многие просто не понимают, что это такое, зачем оно нужно и о чем, собственно, речь. Государственное регулирование - всегда деликатное дело, особенно в духовной сфере.

Чтобы быть убедительными в дискуссии о том, что мы хотим знать всю информацию, с государством настроенным на "не пущать!", нужны аргументы. Главный аргумент: наша ответственность. Обладая взрывоопасной информацией, мы не будем выдавать ее в эфир, понимая, что она может причинить вред. Кто-то может погибнуть. Следовательно, должна существовать система ограничений, которые берет на себя журналистское сообщество и должно контролировать тоже само журналистское сообщество. Самоограничение может оказаться более действенным - и вот почему. В отличие от ограничения извне, введенного законом, каждый должен осмыслить самоограничение, прежде чем взять его на себя. Я должен верить в правильность ограничения, а не подчиняться ему. В этом смысле конвенция, подписанная журналистами, хотя и не будет иметь статуса закона, но может оказаться более действенной, чем закон. Потому что каждый, кто ее подпишет, заранее как следует подумает. Должна измениться психология: когда свобода слова была фетишем, добыть запретную информацию и сделать ее достоянием всех - было доблестью. Когда информация становится оружием, нужно много раз подумать, кому выгодна такая доблесть.

Важно понимать ограничения. Откуда они берутся, зачем они нужны.

Кажется, после трагедии на Дубровке всем уже понятно, что нужно стараться избегать прямого эфира, если этот эфир не в специальной закрытой комнате. Потому что журналист может интервьюировать Кобзона, а на заднем плане в это время происходит что-то такое, о чем нельзя знать террористам, которые смотрят трансляцию. Или - если дать прямой эфир террористу, он, кроме собственно речи, высказывания, может подавать своим сообщникам еще какие-то знаки, смысла которых мы просто не понимаем.

Идея состоит в том, что "Антитеррористическую конвенцию" подпишут все, кто имеет отношение к освещению экстремальных событий, - прежде всего, террористических актов, которые в центре нашего разговора. То есть тот, кто хочет взаимодействовать во время подобных ситуаций с властями и претендует на получение информации из первоисточников, на доступ к месту событий, подписывает эту конвенцию. Разумеется, это не касается, например, журнала "Новое литературное обозрение". Не все журналисты становятся воинами в этой войне.

"Ограничение", кстати, хорошее слово. Ограничение - не ущемление, а установление границ. Определения зон с разным действием законов и правил. Когда мы ограничиваем свободу информации во время теракта, тут все понятно: конкретно в эти мгновения мы спасаем людей.

Очевидна причина, по которой после "11 сентября" радикальное искусство попало в кризис. Одной из важных стратегий, принципиальных концептуальных задач было разрушение границы между искусством и жизнью. Популярным был жанр провокации, призванный лишить зрителя уверенности, где начинается и заканчивается искусство (из своей практики могу привести в пример выставку "Компромат", которая доказывала, что современная техника способна представить любого политика в любом, так сказать, виде; или акцию "Новые деньги", совместно с Леонидом Парфеновым и Еленой Китаевой: тогда очень многие поверили, что в оборот и впрямь скоро войдут купюры с портретом Малевича). Теперь это будет как-то остановлено, - думаю, силами самого искусства. Это ему нужно, чтобы сохранить право на радикальный эксперимент, на работу с любыми знаками - но на маркированной, помеченной как таковая территории... Везде, где можно, должны быть проставлены кавычки.

Иначе мы в опасной ситуации: как для жизни, так и для искусства (бывший актер, а ныне православный священник Охлобыстин заявил в интервью "Известиям", что организаторов

выставки "Осторожно, религия" следует посадить в тюрьму, иначе радикальные ортодоксы их просто убьют!). Следовательно, - актуализация понятия границ. В Музее мне запрещают фотографировать, в буддистском храме нужно снимать обувь, но я не воспринимаю это как атаку на мою свободу: есть зоны, в которых действуют локальные законы. Альтернатива понятна: либо мы выстраиваем стенку и имеем право на радикальный жест (Владимир Сорокин демонстрирует четко разницу между Сорокиным-человеком и Сорокиным-писателем: первый - предельно корректный, религиозный человек, семьянин, а второй - радикальный экспериментатор), либо границы нет, тогда следует отвечать по общим законам (что и происходит: покусившийся на православный символы Авдей Тер-Оганьян в изгнании, распявший себя на берегу Москва-реки Олег Мавромати в изгнании, нарисовавший знак доллара на картине Малевича Александр Бренер отсидел год в голландской тюрьме). Но тогда внутри галерей и музеев, внутри своих храмов, художники имеют право работать с социальными знаками так, как считают нужным, а в тюрьму сажать следует не тех, кто организует выставку, а варваров, которые громят экспозицию, покушаются на чужое имущество. Мы должны переписать конвенцию между жизнью и искусством. Но это значит, что терпимость следует проявлять обеим сторонам. Что ответвенна должна быть и "жизнь". Территория искусства должна быть неприкосновенна, на своей территории мы имеем право на любой эксперимент, на самую радикальную критику общественных укладов. А пока приходится с грустью констатировать, что из перечисленных выше троих акционистов двое пострадали за действия, произведенные в художественных пространствах....

Ответные обязанности общества и власти

Как общество не должно вмешиваться в искусство, когда она на своей территории, так и власть должна в ответ на самоограничения журналистского сообщества взять на себя серьезные обязательства. Ни в коем случае нельзя допускать такого шквала облыжной критики, который обрушился на журналистов после "Норд-Оста": будто бы, во всем виновата пресса. Солдатик, стоящий в оцеплении много часов без смены, на ветру, без сигарет, без горячего кофе пропускает журналиста за небольшие деньги через кордон - вина ли тут журналиста? Вина ли журналиста в том, что спасение проходило не так эффективно, как должно?

Итак, чего мы, журналистское сообщество, требуем в ответ у власти?

- Внятного обозначения границ территории теракта. Во время "Норд-Оста" периодически возникали ситуации, когда журналистам в самых неожиданных местах преграждали путь вооруженные люди, мотивируя свои действия одним только словом "нельзя". Причем места эти постоянно менялись: вчера было можно, а сегодня нельзя.

- Права на аккредитацию в горячей точке СМИ, подписавших Антитеррористическую конвенцию.

- Информации: правдивой, оперативной, регулярной, подробной и стремящейся к полноте. Чтобы поступать профессионально и ответственно работник СМИ должен иметь хорошую профессиональную подготовку, попросту - должен много знать. Террорист ведь не менее изобретателен чем мы. Террорист прочитал конвенцию и придумал что-то такое, что в этой конвенции не описано... И тогда журналисту приходится заново оценивать ситуацию. А для этого он должен представлять себе весь контекст.

- Признания - после того, как разрешится острая ситуация - нашего права на критику и на максимально открытое расследование причин и обстоятельств произошедшего, и всякого рода содействия такому расследованию. Очевидно, что было ошибкой отсутствие такого детального расследования после событий "Норд-Оста". Правые предлагали создать парламентскую комиссию - Госдума не поддержала. В результате мы так и не получили ответа на ключевые вопросы: насколько меньше жертв было бы, если бы газ применили раньше, когда у заложников оставалось больше сил; почему не достаточно оперативно было организовано спасение людей и т.д. Это необходимо было выяснить не для того, чтобы наказать виновных, а чтобы не допустить повторения проколов впредь. Это та самая функция критики власти и общества, которую журналистика обязана выполнять, несмотря на все изменения в социальной атмосфере.

- Включения представителей журналистского сообщества в оперативные штабы, призванные разрешать кризисные ситуации.

Вообще, изменения в сути той или иной профессии: не такая и редкость. Вспомните, как ценилась фигура ученого в позапрошлом и отчасти прошлом столетии. Он мог открыть перед человечеством тайны природы, и условием открытий была свобода ученого как творческой личности. А потом наука - вернее, определенные, "ограниченные", опять же, исследования стали опасными. После чего естественным образом ограничилась свобода

творчества ученого и его право на распространение научной информации (никто не возмущается, что ученые, работающие над стратегическими проектами, дают подписку о неразглашении). Основания профессии изменились - сегодня нечто подобное происходит и с журналистикой.

Только взаимная ответственность общества и прессы поможет нам противостоять суровым вызовам эпохи. Последний рубеж обороны - это не закон, но и не конвенция. Это - человек. Чем больше я внедряюсь в материал, тем лучше понимаю, что 20 хорошо обученных ответственных журналистов, детально - на уровне работников спецслужб - понимающих ситуацию, - надежнее и эффективнее любых конвенций и соглашений. Журналистика - массовая профессия, включающая в себя десятки тысяч людей. Но невозможно рассчитывать на то, что в этой массе все умные, все профессионалы, все приличные люди. Надежда могла бы возлагаться на своего рода журналистский "спецназ". Возможно, в будущем журналистика вновь перестанет быть массовой профессией. То есть, разумеется, множество людей продолжит работать с информацией, но называться они могут как-то иначе.

Мир после 11 сентября

После 11 сентября время пошло с новой скоростью. Под сомнение поставлен "новый мировой порядок" по-американски. Функции Америки как лидера мира поставлены под сомнение. Миру не нужен лидер, после военной операции которого (успешной операции!) города оказываются разграбленными, животные в заповедниках - расстрелянными, а уникальные художественные ценности - уничтоженными. Рост антиамериканских настроений по всему миру - свидетельство острейшего кризиса идеи монополярной политики.

Но Америка долгое время создавалась как своего рода "сборная мира". В нее стекались пассионарии всей земли. Это общий проект, в Америке есть что-то от каждого из нас. Есть и другая причина, по которой невозможно желать краха проекту "Америка": последствия будут ощутимы в любой точке земли! Трагическая, но неизбежная в силу сложившихся обстоятельств трещина между Америкой и Европой, нежелание (неумение!) христианских культур найти общий язык, - все это делает ситуацию еще более тревожной. Для эффективной борьбы с терроризмом нужна, разумеется, общая воля всего мирового сообщества. Давать глобальные советы, выступать с глобальными прогнозами - дело неблагодарное. Тем не менее, я позволю себе поразмышлять над вопросом, какие первоочередные задачи стоят ныне перед обществом и политиками.

Одно уже очевидно: не нужно создавать новых вооруженных формирований, которые могут выйти из-под контроля. Ведь многие и многие террористические организации созданы, разумеется, с самыми "благими" намерениями, ради "великих целей" - спецслужбами разных стран - не только СССР и США, но и европейских демократий. Созданы вне правового поля, для решения тайными методами разного рода политических задач. Созданы как удобный инструмент. Есть, однако, закон: всякий инструмент, доказавший и осознавший свою эффективность, становится субъектом. Через какое-то время он начинает действовать в соответствии с собственной логикой, а не с логикой тех людей, которые его породили. Разумеется, нужен решительный отказ от такого рода деятельности (это отдельная комплексная проблема, решение которой потребует серьезного вмешательства в структуру спецслужб, с их институциональными интересами, с интересами отдельных ключевых личностей). Пора вернуться к максиме: цель не оправдывает средств. Перефразируя Маклюэна, говорившего, что медиум - и есть месседж (передача сообщения и есть само сообщение), можно сказать, что цель - это и есть средства. Среди горьких уроков иракской войны по крайней мере один вселяет оптимизм: неприятие общественностью средств, которыми Джордж Буш решил добиться благой, в общем, цели: свержения Саддама.

Нам предстоит большая культурная работа, связанная с пересмотром каких-то ключевых образов и идей. В частности, романтических. Че Гевара и Робин Гуд, полевые командиры Котовский и Чапаев, Дубровский, декабристы и партизаны... К Емельяну Пугачеву общественное сознание по-прежнему относится по советской модели - как к борцу за права угнетенных, а не как к кровавому бандиту, каковым он, конечно же, был. Романтизация самоубийства - достаточно популярное явление. Существуют культуры, в которых террор практически легализован: в форме института кровной мести, например. Нельзя допустить, чтобы какая-то значимая часть населения видела правоту в действиях террористов, хотя бы отчасти, хотя бы и по отношению лишь к пафосу их целей. Объединение левых европейских интеллектуалов с мусульманской улицей - опасная тенденция. Таким образом, мы можем получить моду на сочувствие террористам. Опасность соединения террориста и справедливого протеста - реальная угроза. Человек с высокой целью в голове и с ядерным чемоданчиком в руке очень опасен.

Нынешний кризис - результат неимоверного расслоения общества. Уровень жизни в разных точках Земли может отличаться в сотни, если не тысячи, раз! Мировая политика тем податливее к интересам ведущих держав, чем еще более ослабляются (и озлобляются!) державы "второстепенные".

Учитывать интересы Другого - вот чему должно научиться мировое сообщество. Что, вообще, такое мораль? Это в первую очередь попытка ограничения себя в интересах других. Принятие во внимание других людей и их интересов - для меня, например, вещь органичная. Я ведь учитываю членов своей семьи, друзей, я еду на машине - принимаю в расчет прохожих, другие машины. Уверен, что под этими словами могли бы подписаться все читатели этой книги. Но на уровне политики начинаются проблемы. Конечно, идея учитывать других диаметрально противоположна мессианству. "Мы хотим распространить наши правила на всю территорию земли" - а кто вам дал такое право? И не важно, что делается это из лучших побуждений, что свои системы их создатели искренне считают самыми правильными. Важно, учитываешь ли ты представления другого. Пусть образование и культура решают эти задачи, но мессианство не имеет право на политические шаги.

Подчеркиваю еще раз, сворачивание гражданских свобод - не менее реальная опасность: чем терроризм, и последствия такого сворачивания могут быть столь же ужасны. Мир уже столкнулся с феноменом новейшего тоталитаризма: иракский поход Буша дал американцам доступ к нефтяным скважинам, но не уничтожил ни террориста Саддама ни его оружие: армия растворилась в гражданском населении и станет расплзаться теперь по всему свету. Какую такую победу торжествует Америка?

Нужны площадки для коммуникации а не крестовые походы.

Пока идея общих площадок, однако, не слишком охотно воспринимается даже в "продвинутой" арт-среде. На одной из крупных московских Арт-ярмарок казахский художник Канат Ибрагимов зарезал барана. И почти все наши ведущие галеристы подписали возмущенное письмо против этой акции - это, де, не искусство, животных надо оградить и т.д. Канат же исходил из верной, на мой взгляд, логики: "я приехал на международную ярмарку, у меня дома при начале нового дела всегда режут, для удачи мероприятия, барана, я выступил согласно своей традиции. А вот изображения обнаженных людей, которых на ярмарке пруд пруди, в моей культуре запрещены. Если это международная ярмарка, то давайте отвечать каждый за себя: я не против обнаженки, вы не мешайте резать барана". Или наоборот. Я не режу барана, вы снимаете всех ню. А наша арт-тусовка продемонстрировала досадную неспособность к диалогу, классический двойной стандарт.

Один из перспективных путей учета интересов бедных: расширение зоны бесплатного. Скажем, изменение системы копирайта. Менее развитая страна все время платит за использование открытий, сделанных в более развитой стране - и трещина между богатыми и бедными продолжает расширяться. Известно, что в даже в России больше половины музыкальных дисков или компьютерного софта - пиратские. Запад всеми доступными легальными средствами - через Всемирную Торговую Организацию, например, заставляет нас бороться с пиратством. Но разница в доходах граждан стран правообладания и наших широт такова, что лицензионный продукт в России могут купить очень немногие. При последовательном уничтожении пиратства все больше наших граждан перестанут получать, то, что им нужно: вот и основа для социального конфликта. Уточнение закона о копирайте, бесплатная информация (дорогой интернет тоже резко расслаивает общество) - это реальный ресурс. Также как и другие сферы перераспределения богатств в пользу лишенных (и потенциально опасных).

В новой конфигурации мира следует ожидать снижение роли государств. Государство неразрывно связано с понятием границы, ограничивающей территорию. Война, соответственно, была нарушением границ. Так создается общность под названием "граждане". Теперь это подвижная общность. Гражданство легко изменить, теоретически, исламские террористы, направившие на ВТС самолеты, могли бы быть гражданами США. Сама философия безопасности уже не связана с государством: не страна, а город, не город, а дом, семья. Соединенные Штаты в настоящее время переживают, с одной стороны, период прогосударственных настроений - многие американцы обращаются к государству, как к единому потенциальному защитнику. За последние два года в стране увеличились "изоляционистские" настроения, и многие американцы искренне верят, что прекратив доступ иностранцев в страну, можно значительно снизить угрозу терроризма. Однако, после 11 сентября появился также и сентимент разочарования - как могло случиться, что такое огромное и сильное государство не смогло нас защитить, не смогло спасти людей? Последняя граница - сам человек. "Полмира может уничтожить один человек, - говорит в этой связи Александр Пятигорский. - Надо изменить понятие личной безопасности и переориентироваться в каких-то фокусных точках. Если кто угодно может уничтожить нас, то мы оказываемся в мире чистой психики. Сегодня интернационал идиотов кричит о том, что надо делать с террористами, а я спрошу иначе: что нам делать с собой?". Если не брать во

внимание "идиотов", - обычный знак подчеркнутой экстравагантности Пятигорского, к остальному очень стоит прислушаться.

Часть вторая. Глава вторая. Опыт зарубежных коллег

Эта глава носит преимущественно справочный характер. Это краткий обзор того, как обстоит дело со взаимодействием между прессой и властью в чрезвычайных ситуациях в западных демократиях. Львиную долю главы я решил уделить британскому опыту: в связи с многолетней "проблемой Ольстера" интересующие нас вопросы подробно обдуманы нашими английскими коллегами, ответы отчеканены в положениях и других документах. Но, конечно, не остался и без внимания опыт других держав.

Советы по печати и омбудсмены

Австрия, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Великобритания и Австралия имеют советы по делам печати. В Канаде нет такого органа национального значения, но в пяти провинциях имеются свои собственные советы, а четыре из них имеют региональные советы. Национальные советы наделены полномочиями заслушивать и принимать решения по индивидуальным жалобам в отношении прессы. Некоторые также поддерживают свободу печати, участвуя в парламентских заседаниях и предоставляя информацию правительствам (Австралия и Австрия). В то время как бывший Британский совет по делам печати, замененный в 1991 г. Комиссией по жалобам на прессу (и подумать только, как смена имени меняет имидж!), широко критиковался за осуществление этих двойных функций. В Австралии даже критики, недовольные деятельностью Совета по делам печати, не видели никакого противоречия в этой его двойной роли. В дополнение к Совету по делам печати в Швеции действует пресс-омбудсмен. В Австралии исполнительный секретарь Совета по делам печати выполняет те же функции. Оба пытаются быть посредниками в спорах, прежде чем они будут представлены на рассмотрение Совета согласно формальной процедуре.

Национальные советы по делам печати и институты омбудсменов (уполномоченных по правам человека) были созданы совместно издателями, журналистами и другими организациями прессы в ответ на рост просьб общественности о законодательном регулировании споров с участием журналистов. Все советы по делам печати финансируются входящими в них союзами прессы.

Кодексы прессы

Большинство национальных советов по делам прессы разработали кодекс прессы, используемые как руководство при принятии решений. Все кодексы затрагивают следующие положения:

- 1) честность и справедливость; обязанность знать мнение объекта любого критического репортажа перед публикацией; обязанность исправлять фактические ошибки; обязанность не искажать иллюстрации, дабы они не были превратно истолкованы;
- 2) обязанность обеспечить возможность ответить на критическое мнение, а также критический фактический репортаж;
- 3) объективность; некоторые кодексы запрещают представителям прессы получение подарков;
- 4) уважение права на частную жизнь;
- 5) обязанность различать факты и субъективное мнение;
- 6) запрещение дискриминации на почве расовых, национальных, религиозных или половых различий; некоторые кодексы рекомендуют СМИ воздержаться от упоминания расы, религии или национальности объекта публикации, если это не предусмотрено контекстом;
- 7) обязанность не использовать нечестные средства для получения информации;
- 8) обязанность не подвергать опасности людей;
- 9) общие нормы порядочности и вкуса;
- 10) обязанность не разглашать конфиденциальные источники;
- 11) обязанность не предрешать вину обвиняемого и опубликовать известие об оправдании того, о ком ранее сообщалось как о правонарушителе.

Во все советы, кроме австрийского и немецкого, входят представители общественности, не связанные с прессой (Австралия: 7 из 21 членов; Нидерланды: 8 из 16; Норвегия: 3 из 7; Швеция: 3 из 6). Отсутствие общественных представителей - одна из главных причин непризнания общественностью работы Австрийского совета по делам печати, а также его неэффективности. Три совета работают под председательством юристов (Нидерланды, Швеция и Австралия).

Великобритания. Общая правовая ситуация

В Великобритании отсутствует писаная конституция и, следовательно, нет конституционных гарантий свободы слова. Однако суды часто упоминают о конституционных принципах, включая такие, как свобода слова и свобода печати. Одним из объяснений того, что права граждан так и не были оформлены в Основной Закон, является доктрина о том, что каждый волен делать то, что не запрещено законом, и в билле о правах нет надобности. Постановления и действия административной и судебной властей могут быть оспорены как противоречащие конституционным принципам. Однако эти принципы не имеют такого же статуса, как в других европейских странах, принявшие подобные биллы о правах.

Система правосудия в Великобритании называемая "общий закон" (common law), зиждется на правиле прецедента, то есть на основании ранее принятых судебных решениях.

Есть в Британии также и Magna Carta - "программный" установочный текст, подписанный Королем Джоном в 1215 году, в котором монарх сделал ряд обещаний своему народу. В документе - 63 пункта. В частности, там говорится, что право на правосудие не продается и не покупается, и отказано в нем никому быть не может. Там также говорится, что заключение, изгнание и "уничтожение" человека возможно только по вердикту суда присяжных. Несмотря на то, что документ написан на довольно архаичном языке, и юридический статус его не ясен, в английских судах он трактуется как главный закон.

Король Джон, впрочем, не предусмотрел свободы прессы, ибо правил задолго до изобретения печатного станка. По сей день в Великобритании не существует унифицированного законодательства о печати или средствах массовой информации.

В целом пресса действует в рамках общего законодательства. Однако это вовсе не означает, что деятельность прессы не регулируется законом. Она рассматривается в специальных законах о государственной тайне, о клевете, оскорблении суда а также в законах уголовного права и процесса, например, о порядке предъявления доказательств в суде, о судоустройстве, о деятельности полиции и т. д.

Таким образом, стержневой нормативный акт, определяющий правовое положение печати, отсутствует. Нет и общего запрета на законодательное ущемление свободы печати. Однако заметим, что Англия вовсе не имеет дурной славы, связанной с ущемлением прав журналистов. Возможно, не в законе дело. Судебное рассмотрение - основной правовой метод для оспаривания постановления государственных органов, которые нарушают право на свободу выражения мнений. Запрос, поданный в Высокий суд, рассматривает специальная группа судей. Затем суд анализирует эти действия или постановления с точки зрения соответствия закону и может их аннулировать, если лицо, принявшее оспариваемое решение, действовало вне своей компетенции или же неразумно.

Конституционного суда в Великобритании не существует, и суды не имеют права объявлять недействительными законодательные акты, принимаемые парламентом, за исключением случаев, когда последние противоречат законодательству Европейского Сообщества.

BBC: Терроризм и национальная безопасность

Британская радиостанция BBC была создана в 1927 году. Репутацию источника надежной и объективной информации она заработала во время Второй мировой войны, когда передачи BBC были чуть ли не единственными лишенным пропагандистской окраски новостями о военных действиях. С тех пор BBC не только сумела сохранить имидж поставщика беспристрастной и непредвзятой информации, но и стала одной из крупнейших телерадиокомпаний в мире.

BBC работает за счет двух основных источников финансирования - внутреннее теле- и радиовещание обеспечиваются за счет налогов на телевидение, а работа Всемирной службы BBC (World Service) оплачивается из бюджета Великобритании. Таким образом, BBC не является частным предприятием, и правительство Великобритании на правах инвестора может определять многие вопросы функционирования компании. Например, определять, на каких языках будет организовано вещание, устанавливать длительность отдельных передач. Но ни при каких условиях британское правительство не имеет права вмешиваться в редакционную политику BBC. В качестве примера действительной редакционной независимости BBC от финансирующего ее правительства можно привести скандал с книгой Джона Симпсона (John Simpson).

Редактор отдела международных новостей службы BBC News Джон Симпсон издал книгу "Репортажи с нейтральной полосы" (News From No Man's Land), в которой высказал предположение, что сотрудники британского правительства еще в 1997 году получили

доступ к редакционной компьютерной системе BBC. Свои догадки Симпсон проиллюстрировал несколькими примерами, когда журналистам звонили с Даунинг-стрит и просили откорректировать еще не опубликованные материалы - то есть, сотрудникам правительства было заранее известно содержание этих материалов.

Журналистам, с которыми связывались правительственные чиновники, не оставалось ничего иного, как поставить об этом в известность руководство компании. Руководство отдало распоряжение никаких корректив в материалы по прямому требованию правительства не вносить и усилило защиту редакционной компьютерной системы. Правительство, естественно, все отрицало.

Безусловно, подобная система взаимоотношений государства и государственного СМИ заслуживает самого пристального интереса. Надежная и бесперебойная работа такого огромного механизма, как BBC, обеспечивается огромным набором правил и внутренних инструкций. Правила в BBC существуют буквально на все случаи жизни. В том числе, конечно, и на случай чрезвычайной ситуации.

Эта инструкция называется "Терроризм и национальная безопасность". В преамбуле этого документа говорится, что основная задача BBC при освещении террористической ситуации - говорить правду, быстро, аккуратно, полно, ответственно и избегая спекуляции. BBC дорожит доверием своей аудитории, и для сохранения этого доверия стремится выглядеть независимой и полностью информированной.

Инструкция номер восемнадцать касается всего терроризма в целом, но не надо забывать, что в Великобритании существует свой внутренний, постоянно тлеющий источник террористической угрозы - это политическая ситуация вокруг Северной Ирландии. Для освещения ирландского терроризма BBC вводит некоторые дополнительные правила.

Северная Ирландия

Конечно, при освещении происходящего в Северной Ирландии у сотрудников BBC возникает значительно больше сложностей, чем при освещении, например, событий в Москве или Нью-Йорке. Очень трудно избежать пристрастности в освещении этой сложнейшей ситуации, где перемешаны вопросы независимости и религиозные проблемы. Тем более, что у любого из редакторов или корреспондентов BBC могут оказаться родственники или друзья, вовлеченные в происходящее. Поэтому к освещению проблемы Северной Ирландии в BBC стараются подходить с особенной, двойной и тройной ответственностью, потому что именно эта ситуация служит одним из основных индикаторов объективности и непредвзятости, честности и независимости компании.

Тщательно продумывается все - наименование должностей или общественных позиций участников событий, название организаций, приоритеты и расстановка по важности тех или иных событий - все, чтобы избежать даже намека на какую-либо пристрастность.

Кроме того, необходимо постоянно помнить о тех сотрудниках, которые живут и работают в зоне конфликта - компания должна по возможности защитить их, не подвергать ненужной опасности. Например, корреспондент или продюсер, приехавший на место событий из Лондона, должен согласовывать свои действия с региональным представительством BBC, потому что он (корреспондент или продюсер) может не знать некоторых тонкостей ситуации, в результате чего может быть не только причинен ущерб репутации компании, но и подвергнута опасности жизнь самого корреспондента или продюсера.

И, наконец, BBC призывает своих сотрудников видеть жизнь в Северной Ирландии во всем ее многообразии, а не только в контексте конфликтов и террористических акций. В этой части Великобритании живут живые люди, и им может быть не очень приятно читать и слышать о своей провинции только как об очаге терроризма. Правило, применимое, конечно, не только к Северной Ирландии.

Язык и терминология

В большинстве случаев современные террористы озабочены почти исключительно общественным резонансом, который вызывают их действия. Естественным желанием находящихся в центре внимания злоумышленников является повышение собственного статуса. Отсюда появляются самоназвания вроде "полевой командир", "бригадный генерал", "добровольческая освободительная армия" и "военный трибунал". В случае использования таких, записанных со слов террористов, терминов, корреспондент и редактор должны обязательно указывать на их природу. Инструкция BBC прямо указывает: журналист не должен пользоваться языком террористов как своим собственным.

Особенную щепетильность в этом вопросе должна проявлять международная служба BBC. Международная аудитория чрезвычайно разнородна, и очень легко допустить ошибку в

терминологии, которая будет истолкована как пристрастие. BBC настаивает на использовании как можно более нейтрального языка - даже слово "террорист" может восприниматься иначе во многих странах, где не существует четкого консенсуса о легитимности военно-политических групп.

Предупреждения об угрозе взрыва

Случается, что службы новостей принимают анонимные звонки с предупреждениями о том, что в том или ином месте заложено взрывное устройство. BBC просит своих сотрудников понимать, что в первую очередь при получении такого сообщения необходимо передать его в соответствующие государственные организации - полицию, службу спасения и т.п.

Если новостная служба получила сообщение о заложенной бомбе, она имеет возможность объявить об этом до того, как станет ясно - правда это или нет. В такой ситуации редактор должен сам выбрать линию поведения: выдержать баланс между информированием общественности и важностью недопущения публикации фальсификаций. При принятии такого решения редактор может руководствоваться собственным опытом, советами полиции, существующим политическим и террористическим климатом, историей последних террористических атак и т.п.

Согласно собственной редакционной политике, BBC обычно не сообщает о тех случаях, когда информация о заложенной бомбе оказалась ложной (то, что у нас называется "телефонный терроризм"). Исключение составляют случаи, когда такое сообщение вызвало какие-то серьезные и очевидные последствия: большие автомобильные пробки срыв общественных мероприятий или нарушение нормального функционирования правительственных организаций. В сообщениях о телефонном терроризме BBC никогда не использует слова, произнесенные террористом по телефону, поскольку таким образом может быть широко передано какое-либо кодовое сообщение.

Риск для конкретных людей

Бывают ситуации, когда какому-нибудь конкретному человеку поступают адресные угрозы. BBC обычно не сообщает о таких ситуациях, за исключением случаев, когда такие угрозы имеют очевидный для аудитории эффект - например, подвергающееся угрозам лицо перестает появляться на публике, что вызывает вопросы и слухи.

Компания призывает своих сотрудников быть осторожными при съемке домов людей, которые попадают в "группы террористического риска" - военных, судей, политиков. "Мы должны пытаться не давать деталей, которые могут помочь террористической атаке. Это включает точное местоположение, детальные планы, аэрофотоснимки, читабельные снимки номеров автомобилей и т.п. Мы никогда не должны открывать детали антитеррористических операций и методов" - говорится в инструкции.

Также BBC просит своих сотрудников не раскрывать людей и организации, которые могут стать целями террористических атак. Например, не называть людей или компании, работающих с военными, не указывать местоположение лабораторий и исследовательских центров, если есть основания полагать, что они могут быть интересны для террористов.

В инструкции BBC "Терроризм и национальная безопасность" прямым текстом сказано, что не стоит называть в эфире адреса лабораторий, работающих с животными. Это странное на первый взгляд уточнение имеет понятное любому жителю Великобритании объяснение. С 1976 года в этой стране существует организация, называющая себя "Фронт освобождения животных" (Animal Liberation Front, ALF).

ALF не занимается никакой политической и официальной деятельностью. Эта популярная в Великобритании и США организация действует столь радикальными методами, что давно уже заслужила репутацию если не террористической (пока не зафиксировано случаев гибели людей в результате действий ALF), то уж экстремистской наверняка.

Например, в сентябре 1998 года ALF взял на себя ответственность за поджоги восьми закусочных "Макдоналдс" и "Квик" в районе бельгийского города Антверпен. Цель активистов организации - не допустить появления мяса животных на столах посетителей фаст-фудов.

ALF уничтожает рефрижераторы с мясом, проникает в лаборатории, работающие с животными, и выпускает этих животных на волю, освобождает зверей из цирков, взрывает склады яиц, разоряет птицефермы, нападает на меховые магазины. Эта организация предельно децентрализована, участники договариваются о предстоящих акциях через Интернет. В связи с этим специальное внимание к ним со стороны BBC имеет вполне понятный практический смысл.

Интервью с террористами

Одним из самых спорных вопросов является вопрос о предоставлении эфира собственно террористам. Никаких законодательных запретов на это в Великобритании в настоящее время не существует, поэтому решение в таких случаях принимается самой новостной компанией. Инструкция номер 18 так формулирует свою политику в этом вопросе: "BBC берет интервью у активного террориста только в том случае, если мы верим, что публичный интерес к этому интервью перевешивает возмущение и оскорбление, которые такое интервью может вызвать у нашей аудитории". Стремясь быть беспристрастной и объективной компанией, BBC не делает каких-либо предварительных запретов на выступления террористов в эфире, хотя зачастую именно это и является их основной целью. Но все же принятие решения о разговоре журналиста с террористом принимается в BBC на достаточно высоком уровне - прямо запрещено предоставлять слово террористам без согласования с главой департамента, выпускающим редактором и управляющим по редакционной политике (Controller Editorial Policy).

Инсценировки

Время от времени террористические и полувоенные группы инсценируют "общественное появление", обычно для того, чтобы попробовать получить паблисити. BBC предписывает своим сотрудникам никогда не посещать подобные мероприятия без согласований на уровне главы департамента и выпускающего редактора. В перечень организаций, к которым следует относиться подобным образом, как раз попадает "Фронт освобождения животных" (ALF).

В случае, если такая инсценировка осуществляется в Великобритании, или в случае угрозы гражданам Великобритании, появляющейся в подобных событиях за границей, решение об освещении подобных событий должно приниматься главой только управляющим по редакционной политике. Никаких материалов, записанных на подобных событиях, не может быть передано в эфир без отдельной ссылки на управляющего по редакционной политике.

Сотрудник BBC может оказаться на подобном событии помимо своей воли - например, он пришел на вполне законное мероприятие, которое вдруг перешло в публичное выступление некоей полувоенной организации. Иногда такая ситуация бывает полностью непредсказуема, или ей может быть приданы признаки "случайности". В таком случае корреспондент может работать и отснять материал, но в любом случае дальнейшую судьбу этого материала может решать только управляющий по редакционной политике.

Национальная безопасность

Журналисты должны отдавать себе отчет в том, что в том или ином случае их материал может нанести серьезный ущерб национальной безопасности своей страны. Это в полной мере касается и журналистов BBC - как бы эта организация не стремилась быть объективной и беспристрастной, но она расположена в Великобритании, находится под юрисдикцией Великобритании, финансируется правительством Великобритании и, следовательно, обязана заботиться о национальной безопасности этой страны.

Вопросы, касающиеся национальной безопасности, регулируются в Великобритании целым рядом законов и межведомственных организаций: Законом о государственной тайне (The Official Secret Act), законами о конфиденциальности, уведомительным комитетом по обороне (Defence Advisory Notices System). Во всех случаях, когда журналист или редактор подозревают, что публикация может задеть национальную безопасность, материал должен быть отнесен управляющему редакционной политикой для принятия необходимых решений.

Закон о государственной тайне

В основном этот закон посвящен вопросам шпионажа - например, бывшие сотрудники спецслужб отвечают по этому закону за разглашение служебной информации безотносительно к тому, является ли эта информация секретной в действительности, или нет. Государство не обязано доказывать факт секретности разглашенной информации. Но это правило редко касается журналистов. Их касается глава пятая Закона о государственной тайне, которая объявляет нарушением публикацию материалов, защищенных этим законом. Такая информация может включать в себя: безопасность и разведку, оборону, криминальные и специальные расследования, перехват почты и телефонных разговоров, конфиденциальность официальных обменов между правительствами и с международными агентствами.

Закон о государственной тайне (The Official Secret Act) - один из наиболее сложных для понимания и принятия обществом действующих законодательных актов Великобритании. Основная проблема состоит в том, что в Великобритании не существует конституции, где бы декларировалась свобода слова, и нет никакого закона о свободе информации. Кроме

этого, не существует никакого формального определения терминов "национальная безопасность" и "угроза национальной безопасности", следовательно, правительство может подвести под Закон о государственной тайне любой нежелательный факт, даже если он не представляет никакой действительной угрозы безопасности государства. Закон о государственной тайне был принят в 1989 году. Он опирается на уголовное законодательство и устанавливает ответственность за разглашение государственной тайны. Ответственность эта по российским меркам невелика - дело непременно должно рассматриваться в суде присяжных, а максимальное наказание не может превышать двух лет лишения свободы (уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает минимальное наказание за шпионаж в виде двенадцати лет лишения свободы).

В отличие от ситуации с бывшими сотрудниками спецслужб, суд должен доказать, что журналист нанес действительный вред или имел своей целью нанести такой вред. Кроме этого, журналист может быть преследуем за подстрекательство к нарушению или помощь в нарушении этого Закона. Закон не признает защиту общественных интересов. Судебная проверка причиненного вреда обычно не бывает убедительной.

Однако, несмотря на такие широкие дефиниции Закона о государственной тайне, судебные преследования по нему крайне редки. Еще реже несут ответственность за нарушение Закона о государственной тайне средства массовой информации. Тем не менее, BBC в своей инструкции о терроризме и национальной безопасности настоятельно рекомендует автору программы или материала на самой ранней стадии производства воспользоваться юридическими и редакторскими советами, если существует вероятность, что готовящийся материал может подпасть под действие Закона о государственной тайне. Более того, юридическое мнение всегда должно быть одним из важных факторов в принятии редакторского решения относительно всего того, что может иметь значение для национальной безопасности Великобритании.

Уведомительный комитет по обороне

DA-Notices System - это система рекомендаций, принятая совместно пресс-службами правительственных департаментов Великобритании и средствами массовой информации. Основная цель этого механизма - взаимовыгодное решение вопросов, касающихся национальной безопасности.

Работает механизм очень просто - редактор, выпускающий материал, или государственный чиновник, знающий о подготовке какого-либо материала, в любой момент, 365 дней в году, может воспользоваться услугами специального переговорщика (DA-Notice Secretary), задача которого - дать экспертную оценку потенциального вреда, который может быть нанесен национальной безопасности публикацией этого материала.

Уведомительный комитет по обороне имеет давнюю историю. В 1912 году для Адмиралтейства и Министерства Обороны стало очевидно, что необходимо предотвратить появление в печати материалов, которые могли бы быть использованы потенциальным противником в своих целях. После некоторого неофициального обсуждения с представителями прессы, Секретарь Адмиралтейства встретился с представителями различных агентств печати и военных организаций для того, чтобы обсудить эту проблему. Встреча состоялась 13 августа 1912 года. Было принято решение, согласно которому должен быть создан механизм, определяющий, какие именно материалы и их части действительно наносят ущерб национальной безопасности. Изначально предполагалось, что военные ведомства будут просто рассылать в редакции телеграммы с уведомлением, что именно не желательно публиковать. Но уже к концу 1912 года стало ясно, что этот механизм не эффективен, поскольку часто СМИ публиковали материалы, полученные со стороны, и военные ведомства не имеют возможности контролировать появление таких материалов, хотя они могли раскрывать какие-то военные секреты.

Тогда и придумали завести специального переговорщика (DA-Notice Secretary), имя которого было бы известно всем заинтересованным сторонам (СМИ и военным), и задачей которого стало принятие решения о том, наносит публикация материала ущерб национальной безопасности или нет.

За время своего существования Уведомительный комитет по обороне не раз менял правила своей работы, требования к материалам, требующим решения комитета, а во время Второй мировой войны он вообще был заменен простой военной цензурой. В 1993 году количество этих требований было сокращено до пяти, а в мае 2000 года - до трех. На сегодняшний день решение Уведомительного комитета по обороне *желательно* при принятии решения о публикации материалов на следующие темы:

*Военные операции, планы и возможности.
Ядерные и неядерные вооружения и оборудование.*

*Шифры и секретные коммуникации.
Военные сооружения и домашние адреса.
Разведка Великобритании и войска специального назначения.*

Слово "желательно" не зря выделено курсивом. Важно понимать, что Уведомительный комитет по обороне не напрасно называется Уведомительным. Это не директивный, а консультативный орган. Его услугами можно пользоваться, а можно и не пользоваться. Его решения не обязательны для исполнения. Более того - его решения не гарантируют СМИ от преследований за публикацию секретной информации. Но все же этот механизм значительно снижает риск такого преследования, и в качестве некоторого лишнего совета со стороны может быть весьма полезен. Многие правозащитные организации считают, что Уведомительный комитет по обороне используется правительством для предотвращения публикаций политического плана. Если даже это и так, никто не заставляет редакторов прислушиваться к решениям комитета. Хотя, конечно, подобные подозрения не прибавляют Уведомительному комитету по обороне лишнего авторитета.

Для понимания сути Уведомительного комитета по обороне очень познавательны стандартные вопросы и ответы, опубликованные самим комитетом. Они следуют ниже.

Каковы выгоды от использования комитета?

Выгода проста - при подозрении на то, что материал может нанести ущерб национальной безопасности, путем переговоров могут быть выделены те фрагменты материала, которые желательно опустить. Это намного быстрее, дешевле и удобнее, чем судебное разбирательство, которое, к тому же, наверняка блокирует публикацию материала целиком, вместо того, чтобы запретить публиковать только несколько истинно секретных деталей.

Все ли редакторы должны использовать систему?

Нет. Редактор пользуется комитетом на добровольной основе. Более того, решение комитета не является обязательным для исполнения. Окончательное решение о публикации того или иного материала принимает редактор.

Какие полномочия имеет комитет и переговорщики?

Никаких, кроме убеждений.

Почему редакторы добровольно сотрудничают с комитетом, несмотря на то, что они всегда хотят опубликовать свою историю целиком?

Действительно, любой редактор хочет опубликовать свои материалы целиком. Но еще больше он не хочет (если он, конечно, нормальный человек) опубликовать нечто, что могло бы подвергнуть опасности жизнь других людей. И если у редактора есть подозрение, что какая-то деталь материала может принести действительный вред, он скорее будет консультироваться с различными экспертами, в том числе воспользуется советом переговорщика Уведомительного комитета по обороне.

Если редактор публикует что-нибудь, что причиняет ущерб, что предпринимает комитет?

Ничего.

Что предпринимает правительство, если редактор принимает решение опубликовать материал, причиняющий ущерб?

В серьезных случаях правительство может инициировать уголовное или судебное преследование, включая судебный запрет на публикацию материала.

Почему правительство не занимается этими вопросами, а полагается на добровольную систему?

Поскольку судебная власть в Великобритании действительно независима, не существует никакой гарантии, что судья поддержит иск правительства.

Кроме того, судебное преследование по поводу еще не опубликованного материала в каждом случае может быть весьма дорогим и отнимать много времени. Скорее всего запрету должна быть подвергнута какая-нибудь одна деталь (например, имя агента), поэтому судебное разбирательство в каждом случае можно уподобить стрельбе из пушки по воробьям.

Является ли система формой цензуры?

Добровольная система не может быть цензурой. Она может служить побудительным мотивом к самоцензуре - в той же степени, как и самоцензура в любой другой области (криминальной, моральной, финансовой, общественного вкуса и т.п.)

Как переговорщик узнает, что необходимо его решение?

Запрос может быть прислан из СМИ. Например, выпускающий редактор может позвонить и сообщить, что он собирается опубликовать историю, которая, по его мнению, может содержать вещи, попадающие в компетенцию комитета.

Также запрос может придти от официальных лиц. Например, от разведки, которая знает, что телекомпания сняла материал, который может способствовать раскрытию ее агента. Или переговорщик (DA-Notice Secretary) сам делает выводы, читая различные материалы или пользуясь своими контактами.

Что переговорщик делает в этих случаях?

Он уведомляет СМИ о своем решении. Это решение принимается на основании его консультаций с экспертами из правительственных организаций о том, какие детали могут принести вред. Например, что-нибудь, что нарушит ход спланированной операции, или подвергнет опасности жизнь агента.

Переговорщик также предлагает способы решения - например, что можно скрыть на фотографиях или видеоматериалах путем вырезания или замазывания.

Переговорщик ведет переговоры между СМИ и заинтересованными лицами так, чтобы материал мог быть издан без нанесения большого ущерба (как для материала, так и для национальной безопасности).

Может ли быть "нанесением ущерба" официальное затруднение правительства?

Уведомительный комитет по обороне не считает официальные или политические затруднения правительства достаточной причиной для рекомендации снять материал с публикации.

Должен ли переговорщик поддерживать официальную линию правительства?

Нет. Официальные лица должны убедить переговорщика в том, что какой-либо материал или его детали не могут быть опубликованы без причинения действительного ущерба национальной безопасности. Если доводы официальных лиц не действуют на переговорщика по тем или иным причинам (например, если оспариваемые факты уже были до этого опубликованы в каких-либо СМИ), переговорщик вправе принять любое решение, руководствуясь при этом только собственными убеждениями.

Если материал прошел Уведомительный комитет, значит ли это, что публикатор материала защищен от преследований?

Нет. Это означает только то, что материал прошел консультации в системе и, быть может, очищен от некоторых деталей, которые могут принести ущерб национальной безопасности в терминах Комитета.

Если некий факт был опубликован где-либо, значит ли это, что он может быть переопубликован, даже если наносит ущерб национальной безопасности?

Это зависит от того, как и где он был опубликован. Комитет специфицирует, что нечто должно быть "широко раскрыто и обсуждено" для того, чтобы не покрывалось системой. Никто точно не знает, что такое "общедоступная информация" (public domain), поэтому трудно сказать заранее, как та или иная публикация может повлиять на дальнейшую судьбу опубликованной информации. Например, заявление, сделанное никому не известным человеком на частной вечеринке или даже публикация материала на никому не известном веб-сайте вряд ли изменит статус опубликованной информации так, как публикация в крупной газете национального масштаба или в книге авторитетного, уважаемого автора. Поэтому каждый конкретный случай должен быть рассмотрен и оценен соответственно его особенностям.

Применима ли система к интернету?

Да, но в силу интернациональной природы интернета, вопросы издания на зарубежных сайтах, подобно вопросам публикаций в иностранных газетах, не подпадают под действие системы. Подобно тому, как различные законы (например, об авторском праве, о клевете, о торговле, о тайнах) меняются от страны к стране, порождая тем самым известный беспорядок и неопределенность во многих вопросах, связанных в интернете, существует и

проблема с определением статуса публикаций на зарубежных сайтах.

Значит ли это, что система теперь не действует?

Система никогда не была непроницаемой и стопроцентно эффективной. Во-первых, она имеет уведомительный и добровольный характер. Во-вторых, существует достаточное количество СМИ, которые не пользуются услугами Комитета, а если и пользуются, то почти никогда не следуют его рекомендациям. Система была задумана не как идеальный механизм защиты национальной безопасности, а как некий способ "минимизации ущерба" для обеих участвующих в консультациях сторон. Интернет, конечно, внесет некоторые коррективы в действие и эффективность системы, но все же сам размер и многообразие Сети подразумевают тот простой факт, что если что-то и было опубликовано на каком-то веб-сайте, вовсе не обязательно это будет замечено широкой общественностью.

Что такое "национальная безопасность"?

Несмотря на то, что это словосочетание широко используется в законодательстве, не существует никакого внятного определения "национальной безопасности". Юристы называют такие понятия "гибкой концепцией", которая судами принимается в свете специфических, непредсказуемых обстоятельств, которые не могут быть предсказаны заранее. Поскольку Уведомительный комитет по обороне работает с этим неформализованным понятием, он определяет его в контексте своей работы как "значительная угроза жизни человека и государства". Именно так должен пониматься термин "национальная безопасность" в отношении деятельности Комитета.

Правда ли, что все статьи и книги, имеющие отношение к компетенции Уведомительному комитету по обороне, прошли через систему?

Нет. Например, книги, написанные бывшими сотрудниками разведки или иных спецслужб должны быть представлены различным правительственным департаментам согласно требованиям Закона о государственной тайне (The Official Secret Act) или каких-нибудь внутриведомственных инструкций. Комитет и его переговорщики задействуются только тогда, когда заинтересованный издатель или автор обращается к ним за помощью как к беспристрастному арбитру, ведущему переговоры для предотвращения разногласий.

В каких случаях против редактора или автора может начаться судебное или уголовное преследование?

Это обычно случается, когда СМИ по тем или иным причинам не воспользовались услугами системы, или когда правительственные департаменты настолько обеспокоены содержанием возможной публикации, что принимают превентивные меры для предотвращения такой публикации. Переговорщик комитета не бывает вовлечен в такие судебные или уголовные преследования СМИ.

Что происходит, когда информация, переданная в систему, попадает под действие Закона о государственной тайне?

Все переговоры между СМИ и Переговорщиком происходят конфиденциально. Правительственные структуры не могут начать преследование, если они не имеют сведений о нарушении секретности из других источников (например, уже опубликованной книги или статьи). Переговорщик (DA-Notice Secretary) прилагает все усилия к тому, чтобы указать СМИ на любой материал, который по его мнению, мог бы нарушать Закон о государственной тайне. Но Переговорщик - не уполномоченный государственный эксперт, он в любом случае должен консультироваться с профессиональными экспертами.

Имеет ли какая-нибудь страна механизм, подобный Уведомительному комитету по обороне?

Нет. Похожий механизм в свое время имела Австралия, но теперь он прекратил свое действие.

Почему Великобритания использует такой механизм в то время как другие страны его не используют?

Частично по историческим причинам, но главным образом потому, что этот механизм работает в культурном контексте Великобритании, где добровольные уведомительные системы зачастую предпочитают принудительным директивным, и где СМИ и государственные ведомства часто находят выгодным и полезным для себя иметь систему неофициального посредничества между собой по вопросам, касающимся национальной безопасности.

Является ли Британский Уведомительный комитет по обороне панацеей в вопросах диалога государства и прессы в чрезвычайных ситуациях?
Вовсе нет.

Безусловно, все не так радужно, как могло бы показаться на первый взгляд. Конечно, правительство пытается влиять на Комитет в своих целях. Конечно, правительство пытается в консультациях с Переговорщиком представить многие политические и официальные проблемы как вопросы национальной безопасности, пытаясь таким образом предотвратить нежелательные политические дискуссии (и отнюдь не только те, что наносят действительный ущерб национальной безопасности).

Более того, заработную плату Переговорщикам платит Министерство Обороны Соединенного Королевства, да и сам комитет содержится на деньги оборонного ведомства. Понимая это, многие средства массовой информации в Великобритании публично объявили о том, что они не сотрудничают с DA-Notices System. Правда, компания BBC не входит в число таких СМИ.

И все же пример организации Уведомительного комитета по обороне кажется интересным и, безусловно, заслуживающим самого пристального внимания.

Запрет трансляции выступлений лидеров ИРА

В истории взаимоотношений СМИ и власти в Великобритании есть один очень интересный и невероятный для развитой демократии эпизод. 19 октября 1988 года правительство "железной" Маргарет Тэтчер запретило трансляцию в теле- и радиоэфире выступлений лидеров Ирландской республиканской армии (ИРА) и их соратников по политической борьбе. Это решение вызвало в либерально настроенном британском обществе настоящий шок. Были запрещены голоса одиннадцати различных организаций, связанных с североирландскими сепаратистами - как организационно, так и идейно.

Проблемы между журналистами, освещавшими североирландский конфликт, и властями Великобритании начались еще в начале 1988 года. Одной из причин этих осложнений стал эпизод, произошедший на похоронах члена ИРА, убитого сотрудниками британских спецподразделений. Во время церемонии в поле зрения толпы попали два солдата британской армии, которые были избиты, раздеты и застрелены из их собственного оружия. Присутствовавшая во время этого происшествия пресса засняла расправу, однако журналисты отказались выдать свои материалы полиции, собиравшейся использовать их для опознания участников инцидента. Случился большой скандал, властям только через два дня удалось заставить прессу предоставить пленки. Маргарет Тэтчер заявила: "Или ты на стороне правосудия, или ты на стороне террористов". И через несколько месяцев вступил в силу вышеупомянутый запрет на голоса лидеров ИРА в эфире.

Некоторые британские телекомпании, в том числе и BBC, пытались было оспорить это решение в суде, однако их собственные юристы посчитали шансы на победу весьма невелики. Телекомпании были вынуждены отступить, несмотря на то, что многие общественные деятели Великобритании критиковали их за недостаточное сопротивление этому суровому запрету правительства.

Однако СМИ решили не идти на прямую конфронтацию с властью, а использовать непредусмотренные запретом лазейки. Скажем, согласно инструкции, нельзя было предоставлять слово конкретно лидерам ИРА, однако ничего не было сказано о пересказе их выступлений. Поэтому хитроумные британские СМИ показывали картинку с лицами североирландских сепаратистов, которую сопровождали ее закадровым текстом в исполнении комментатора или актера.

Подобное озвученное актером интервью политического лидера партии Шинн Фейн Джерри Адамса было показано американским каналом CNN, и, по словам британской газеты Independent, мало кто догадался о подвохе.

Два года спустя после введения в действие запрета университет Глазго провел исследование, в результате которого выяснилось, что лидеры Шинн Фейн стали появляться на экранах в три раза реже, чем до введения запрета. То есть, запрет оказался весьма эффективен. И все же, по мнению многих экспертов, большого смысла в таком запрете не было: британское телевидение и до всяких запретов резко негативно оценивало деятельность североирландских террористических организаций. Что же касается собственно ИРА, то вряд ли подобный запрет хоть как-то повлиял на популярность лидеров армии среди ее сторонников.

Запрет 1988 года действовал шесть лет, он был отменен только в 1994 году. По словам одного из влиятельных журналистов Великобритании, "снятие запрета положило конец одной из самых вызывающих попыток наложения цензуры на одну из важнейших

внутриполитических тем послевоенной эпохи".

Израиль

С первого дня своего существования государство Израиль находится в состоянии войны. Именно по этой причине в стране постоянно действует институт военной цензуры. Эта цензура предварительная, и распространяется она исключительно на оборонные вопросы, и на вопросы алии - переезда евреев из других стран в Израиль. Все материалы СМИ по данным вопросам должны до публикации быть обязательно представлены для согласования в канцелярию главного военного цензора.

Поскольку основной целью израильской военной цензуры является защита государственных военных секретов, то информация, полученная израильскими СМИ из зарубежных источников, цензурированию не подвергается - она по определению не может считаться секретной. Израильские журналисты порой пользуются этой лазейкой, передавая непроходимую через цензуру информацию в зарубежные, чаще всего американские газеты. Но все же это происходит не так часто, - степень ответственности израильских журналистов весьма высока. В силу особенностей всеобщей воинской повинности, СМИ в Израиле практически поголовно состоят из военнослужащих, которые очень не хотят подвергать опасности жизнь израильских солдат и сограждан.

В качестве примера такой ответственности журналистики перед своим народом, можно привести ситуацию с израильской ядерной программой. Все, что известно в мире о существовании такой программы, было добыто с помощью разведок различных государств и опубликовано в зарубежных СМИ. Ни одно израильское издание за сорок лет существования программы ни разу не обмолвилось о ее существовании, - в то время как разведывательные службы основную информацию для своей работы черпают обычно как раз из открытых источников.

А упомянутый выше способ проведения некоторых материалов через цензуру путем передачи их в иностранные СМИ применяется обычно в случае несговорчивости цензоров и чрезмерности их требований, - на такой работе трудно избежать соблазна превысить собственные полномочия, и попытаться под предлогом нарушения военной тайны повлиять на некоторые политические решения и процессы.

Особенности израильского гражданского самосознания, вызванные очень сложными условиями существования этого государства, сформировали, в дополнение к институту военной цензуры, надежный и действенный комплекс негласных этических правил. Например, никто не станет публиковать списки жертв очередного теракта до того, как армия и полиция доведет эти сведения до родственников погибших людей. Ни при каких условиях израильские СМИ не хотят стать тем источником, из которого люди узнают о гибели близких. Впрочем, в такой функции СМИ в Израиле нет необходимости - одной из основных своих задач в ситуации с жертвами, израильские спецслужбы считают выявление и оповещение всех родственников о произошедшем. Списки погибших в Израиле никогда не скрываются, поэтому у журналистов нет необходимости их "раскрывать" - в этом вопросе общество всецело полагается на государство.

США

Знаменитая первая поправка к Конституции США запрещает конгрессу принимать законы, ограничивающие свободу слова. Регулирование осуществляется благодаря вынесению целой серии судебных решений, истолковывающих пределы применения данного запрета в каждом конкретном случае с учетом баланса интересов, представляющих конституционную ценность.

О том, какое значение Верховный суд США придает свободе прессы можно судить по делу "Нью-Йорк Таймс" против Соединенных Штатов" (1971 г.): "Первой поправкой авторами Конституции была создана защита свободы прессы, с тем чтобы она играла свою роль в развитии нашей демократии. Пресса должна служить не правителям, а управляемым. Право правительства осуществлять цензорский надзор уничтожено, чтобы пресса могла всегда контролировать правительство. Пресса защищена, чтобы она могла раскрывать секреты правительства и информировать о них народ. Только свободная и неконтролируемая пресса может эффективно разоблачать ложь правительства".

В целом конституционная доктрина и судебная практика широко трактуют формы защиты свободы прессы. В частности, в решении по делу "Небраска Пресс Ассошиейшн" против Стюарта" (1976 г.) особо подчеркивалось: "Предварительный контроль и ограничения свободы слова и публикаций являются наиболее серьезными и наименее терпимыми нарушениями прав, закрепленных первой поправкой". В США упрощен порядок разрешения издательской деятельности, нет предварительной цензуры, не допускаются прямые формы воздействия на характер публикуемых материалов. Но вместе с тем в приведенной выдержке нельзя не заметить стремления завуалировать роль государственной власти в

контроле за прессой, принимающем, возможно, не столь заметные, но достаточно эффективные формы. Формально средства массовой информации независимы от государства. Однако фактически их деятельность нередко координируется и контролируется государственными органами федерации и штатов.

В частности, много жалоб на ограничение доступа журналистов к информации поступало в период войны в Персидском заливе в начале 90-х годов. В последние же годы администрация Буша довольно успешно научилась манипулировать прессой не через прямые запреты и указания, а через пропаганду патриотизма и национальной безопасности. Никому не хочется выглядеть не патриотом, и телевизионные станции уже почти соревнуются в своей поддержке политики национальной безопасности и проч. Еще один источник давления на медиа в США - крупные компании, контролирующие акции медиа-холдингов - Дисней (ABC), Виаком (CBS), Джeneral Электрик (NBC). У компаний есть свои социальные и политические интересы, и общественный имидж им не безразличен, как и отношение с властью.

Швеция

Конституция Швеции, напротив, весьма подробно излагает основания, по которым могут быть ограничены свобода выражения и свобода информации. К ним, в частности, относятся: соображения безопасности Королевства, а также национальной экономики, интересы сохранения общественного порядка и безопасности, соображения целостности индивида, святости частной жизни и уголовного преследования за преступления (ст. 13). Вместе с тем, в абзаце 2 этой же статьи указывается, что "при определении того, какие ограничения могут быть наложены на основе предписаний предыдущего абзаца, особое внимание следует придавать важности максимально возможной свободы выражения и информации в политической, религиозной, профессиональной, научной сферах".

Что же касается Швеции, то она признает самое широкое право на доступ журналистов к информации, более того, в этой стране есть закон, по которому чиновник любого ведомства имеет право сообщать любую информацию журналистам, даже секретную. Он лишь не имеет права выдавать журналистам документы. Возможность открытой беседы чиновников с журналистами сделали достаточно успешной борьбу с бюрократией в Швеции.

Франция

Во Франции разработано подробное специальное законодательство, регламентирующее свободу печати. Причем основной текст был принят 29 июля 1881 г. Закон решает два основных вопроса: кто и в каких размерах несет ответственность за злоупотребления свободной печати, и какие действия прессы являются таким злоупотреблением. Свобода выражения мнений и распространения информации - право, закрепленное в Конституции. Статья 11 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, включенная в преамбулу Конституции 1958 года, гласит: "Свободный обмен мыслями и мнениями относится к наиболее ценным правам человека. Таким образом, все люди могут свободно говорить, писать и делать публикации при условии, что они будут отвечать за любое злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законодательством".

Кроме того, свобода самовыражения и общения - один из "фундаментальных принципов, гарантированных законами Республики", который, согласно заявлению Конституционного совета, имеет конституционный статус. Конституционный совет в подтверждение статуса свободы выражения мнений и свободы печати заявляет, что эти свободы составляют одну из основных гарантий остальных прав и свобод личности.

Закон 1881 года - истинный кодекс свободы выражения мнений: он касается не только печатной прессы, но и всего спектра печатной продукции, включая открытки, книги, плакаты и их продажу.

Помимо провозглашения принципа свободы печати, Закон содержит положения уголовного и уголовно-процессуального права о нарушениях, совершаемых СМИ. За последние 110 лет Закон пересматривался несколько раз, обычно в связи с рассмотрением конкретных дел. Однако основательного пересмотра ни разу не производилось. Как в кодексы (Уголовный, Кодекс Национальной службы, кодекс Здоровья Общества), так и в специальные законы (как, например, закон 1949 года о публикациях, адресованных молодежи) были внесены многочисленные поправки, относящиеся к прессе. В 1992 году завершилась кодификация законодательства, - был принят Коммуникационный кодекс (Code de la communication). Французский Конституционный совет (Conseil constitutionnel) уполномочен объявить закон недействительным, если он противоречит Конституции. Его решения являются окончательными и обязательными для всех органов власти и управления. Административный суд уполномочен самостоятельно аннулировать подзаконный акт, если признает его неконституционным.

Часть третья. Глава первая. Прямая речь: нужна ли нам Антитеррористическая Конвенция?

Интервью Андрея Венедиктова, Дмитрия Кафанова, Николая Сванидзе, Маши Слоним и Максима Соколова

На Дубровке еще томились заложники, стояло оцепление, спецназ готовился к штурму, а в адрес прессы уже звучали обвинения. Стало понятно: определенные силы ищут и уже, похоже, нашли виноватого. Свалить все на прессу - может ли быть что либо более циничное и одновременно, увы, естественное для нашего общества? Одиозные поправки к Закону о печати появились мгновенно, Дума их приняла и тут нужно отдать должное чутью Кости Эрнста, который понял, что происходит явно не то, и стал принимать меры... Президент услышал мнение журналистского сообщества, атака мракобесов была остановлена, а мы (комиссия "Индустриального комитета") приступили к выработке Антитеррористической Конвенции. Документа, который защищал бы и граждан от террористов, и свободу слова.

Ниже вы прочтете интервью, взятые по моей просьбе Андреем Цунским у ведущих российских журналистов в период подготовки текста Конвенции.

Андрей Венедиктов, "Эхо Москвы":

На случаи возникновения подобных чрезвычайных ситуаций у нас есть специальная схема работы. Как только мы получили сообщение о том, что в здание, где шел мюзикл ворвались вооруженные люди (о теракте еще не было сказано ни слова) я был поставлен в известность выпускающим редактором. Я немедленно прибыл на рабочее место, а выпускающий редактор вызвал дополнительную смену. По дороге я перехватил корреспондента, который был немедленно отправлен к месту событий, и проинструктировал его, так как это был молодой парень, впервые выезжавший на такое задание. Я обозначил для него некоторые ограничения, связанные с работой в прямом эфире. Ни при работе по осуществлению каких-то записей, ни при сборе информации я не делал для него никаких ограничений, а вот в том, что касается работы в прямом эфире, я запретил ему говорить что-либо о передвижении вооруженных людей вокруг здания театра. Поскольку указание главного редактора всегда весомее, я сделал это лично. Когда я прибыл на рабочее место, на улицу Мельникова были отправлены два опытных корреспондента, которые уже знали, что можно, чего нельзя. Подчеркиваю: залезать и пробираться куда угодно, собирать любую информацию - можно, ограничения только на то, что выдается в эфир.

К сожалению, я не успел купировать высказывания в прямом эфире депутата Митрофанова, который призывал мочить всех чеченцев подряд. Я немедленно вывел его из эфира и сам стал ведущим, купировав подобные высказывания, в коротких перерывах давая корреспондентам задания. Параллельно я связался с теми людьми из органов государственной власти, с которыми я общаюсь неформально. Из них я могу назвать министра печати Михаила Лесина, главу администрации президента Александра Волошина, еще несколькими людьми из ГУВД и ФСБ. С Волошиным мы разговаривали в 3 часа ночи, это не было интервью или нечто для эфира: просто нужно было понять, как руководство страны видит и понимает ситуацию. Информацию, которую мне сообщили другие люди я тоже не выдавал в эфир, используя ее исключительно для собственной внутренней оценки.

Одновременно с этим была выстроена кризисная редакционная структура. На рабочем месте постоянно находился ответственный руководитель: я или мой заместитель, уполномоченный принимать те или иные решения в случаях некоего обострения или наоборот разрешения ситуации. Распорядок дежурств был расписан нами на десять дней, с учетом того, что я могу уезжать по различным делам, и мы строго его придерживались.

Вернулись из отпусков те, чья помощь могла пригодиться, причем не только те, кто был в Москве, но даже сотрудники, которые находились в отъезде. Были расставлены люди в силовых структурах, - там, где они имеют связи, - и добывали информацию. Повторяю - никаких ограничений, кроме уже упомянутых, я не вводил.

Велось принципиальное обсуждение: давать ли слово заложникам и их родственникам. Мы приняли решение: давать, несмотря на просьбы некоторых моих друзей из органов власти. Мы с ними не согласились. Вся главная часть организационной работы была сделана за первую ночь: уже утром мы работали в специальном режиме.

Принимая решение давать возможность высказаться родственникам заложников и самим заложникам, я руководствовался тем, что это люди, которые находятся под сильнейшим

психологическим давлением. Когда это делалось по требованиям террористов (это относится и к митингу родственников на Красной площади) мы специально оговаривали, что это делается по требованию террористов. Но мое убеждение заключается в том, что слово жертве нужно давать всегда. Мы не просили заложников или их близких говорить специально, но когда им удавалось прозвониться к нам по собственной инициативе, мы всегда давали им слово, и это было моим принципиальным решением.

Я не осуждаю и Савика Шустера за то, что он пригласил этих людей в студию: это было в четверг, когда они уже все равно выступали по всем каналам, и было ясно, что какая-то часть людей хочет выступить. Мы могли выдавать звонки в эфир в любое время суток. У телевидения такой возможности не было.

Позже мы провели подробное обсуждение того, как освещали это трагическое событие электронные СМИ, внимательно просматривая и прослушивая кассеты. Мы насчитали пять серьезных ошибок. К счастью, ни одна из этих ошибок не привела к гибели людей.

Ошибка первая: интервью Александра Цекало. Конечно, его нельзя осуждать, это ошибка журналиста, который вел это интервью. Скидку можно сделать на то, что возле театрального центра все были в состоянии чудовищного стресса. Скорее, это было ошибкой выпускающего редактора.

Ошибка вторая: во время одного из репортажей РТР в кадре в прямом эфире говорил журналист, а в это время на заднем плане в люк спускались бойцы спецназа.

Ошибка третья: к сожалению, наша "Эхо Москвы" дало в прямой эфир интервью с террористом.

Ошибка четвертая: в эфире НТВ во время одного из "стэнд-апов" корреспондента на месте за его спиной были видны бегущие люди с оружием. Это ошибка оператора, который был обязан развернуть камеру и ошибка выпускающего редактора, который должен был немедленно дать другую картинку.

Ошибка пятая: авторская программа Миши Леонтьева, который называл террористов в прямом эфире ублюдками, в то время как передача его транслировалась в зал, где находились террористы и заложники.

Вот, пожалуй, и все. Все остальное делалось либо по просьбе, либо с согласия оперативного Штаба.

Что касается кодексов и хартий, я считаю, что если что-то принимается самими журналистами, то должно ими же беспрекословно соблюдаться. Если я разрабатываю правила для "Эха Москвы", то я несу за их соблюдение, как главный редактор, полную ответственность. Проект кодекса, который создавался Индустриальным комитетом, мы обсудили в творческом коллективе. Я ходил на заседания, имея согласие своих журналистов с принципиальными положениями. Это значит, что они взяли на себя обязательство их исполнять.

Хочу подчеркнуть, что мы говорим не о кодексе как своде этических принципов. Мы говорим о правилах. Это руководство по характеру конкретных действий. Мы не пишем здесь слов "честность", "порядочность", "добросовестность" - это подразумевается, как само собой разумеющееся для профессионала.

Здесь конкретные правила: "В случае обнаружения информации о готовящемся теракте журналист обязан сообщить..." - какая тут этика? "Журналист не имеет права надевать камуфляжную и иную форму и брать в руки оружие, иначе он перестает быть таковым" - это не этика. Это положение, к сожалению, вызванное к жизни практикой. В Нагорном Карабахе один из журналистов шел в строю отряда одной из сражающихся сторон и нес на плече автомат. Снайпер его убил. Американские страховщики не выплатили страховку, - для них он перестал быть журналистом с того момента, когда взял в руки автомат. Если я, как главный редактор, принимаю эти правила и говорю, что они будут работать на радио "Эхо Москвы", значит, они будут там работать, потому что я взял на себя это, как обязательство, и журналист, который не будет их соблюдать, будет уволен, потому что нарушил порядок, принятый главным редактором.

Часто идет подмена понятий: "этический кодекс" и "свод правил". Этот свод правил будет приложен к договору, который подписывается при приеме на работу, и если журналист с этими правилами не согласен, он просто не пойдет в данное средство массовой информации на работу.

Такого рода правила есть в компании ВВС, существует Германский Кодекс Публицистики, одобренный Германским Советом по Печати, "Кодекс Практики", утвержденный Комиссией по жалобам на прессу Великобритании по предложению ВВС, в Дании "Национальный кодекс поведения журналиста" принят датским парламентом и утвержден Национальным

Союзом Журналистов. Это не этические положения - это правила поведения в определенных ситуациях, предельно конкретные: "так делать можно", "так делать нельзя".

Нужно помнить о том, что можно обойти любой закон, утвержденный государством, но правил, которые установлены в СМИ его руководством, нарушить не удастся. Мимо меня, главного редактора, здесь не проскочишь. А СМИ для журналистов не только работодатель, но и "работоотниматель". Потому и договор, подписанный с редакцией, журналист будет выполнять строже и тщательнее, чем Конституцию. Это не механизм саморегулирования, это механизм регулирования, потому что чем больше редакций, чем больше СМИ будут принимать эти правила, тем уже будет становиться поле для их нарушения.

Мы отстаиваем основное право журналиста: выполнять свою работу, для чего он порой обязан лезть куда надо и не надо, красть секретные документы, добывать информацию всеми возможными способами. А вот какую информацию публиковать - дело и ответственность руководителей СМИ, редакции. Отвечать за последствия так же должен не журналист, а руководитель. Журналист находит и приносит все сюда - у него такая работа. Работа в обстановке кризиса он часто не может оценить со всех сторон имеющуюся у него информацию - перед ним, возможно, огонь, взрывы, плачущие люди, стрельба... Его задача - добыть и отдать. Единственные ограничения - прямой эфир. Решение же о выдаче в эфир принимается руководством, и оно несет за это ответственность, и это должно быть прописано в законе. Я против того, чтобы был наказан журналист, который брал интервью у Цекало. А вот выпускающий редактор, который сидит у пульта с красной папкой, в которой лежит приказ главного редактора или генерального директора, должен нести ответственность за то, что вовремя не прекратил этот репортаж.

Мы настаиваем на том, что оперативная ответственность лежит на редакциях. И уже потом эти редакции будут получать предупреждения от министерства печати, наказываться вплоть до отзыва лицензии. Нужно четко разделить: журналист - это тот, кто добывает информацию, причем любым путем. А менеджеры бизнеса, руководители СМИ - это другая профессия.

Нужно сказать, что формирующие этические нормы референтные группы всегда находятся в движении, и истины в последней инстанции не существует. Общество в каждой стране отличается своими особенностями. Если в протестантской Америке фотографии людей, выпрыгивающих, падающих из окон Всемирного Торгового Центра шокировали людей, и от их публикации все журналы и газеты "мейнстрима" воздержались, то во Франции, где сильнее католический менталитет, их опубликовали, и они вызвали у людей большой гнев в отношении террористов. Единой этики в мире нет. Есть христиане, есть буддисты, есть сектанты, есть атеисты...

Меня далеко не порадовало смакование, с которым показывали трупы террористов в театральном центре. Но как мы будем прописывать, что такое "крупный план"? Труп должен занимать в масштабе общей картинки не более чем...? Меня, например, гораздо больше возмутили кадры с убийства губернатора Магаданской области Цветкова. Но причем тут журналисты? Это и сказали министру Грызлову: "Это у ваших подчиненных два часа на улице лежал ничем не прикрытый труп!". Не нужно валить с больной головы на здоровую.

Предлагается запретить публикацию информации, распространение которой может привести к тяжким последствиям в виде гибели людей. Но вот пример. Идет матч "Локо" - "Спартак". "Спартак" проигрывает, и болельщик, страдающий сердечным заболеванием, умирает. Давайте запретим футбол, ведь именно трансляция матча погубила человека! Надо избежать таких общих, глобальных формулировок. Или вот предложение, поправка к закону: "Запретить передачу информации, которая может помешать проведению контртеррористической операции". Простите, а как быть со сводкой погоды? Это ведь фактор, который может, например, подсказать террористу, что не взлетят какие-то вертолеты или что плохая видимость из-за тумана затруднит завтра работу снайпера. Потому и должны быть правила, которые мы проговариваем для себя, внутри корпорации, и Закон, который возлагает итоговую ответственность не на журналиста, а на редакцию.

Я против идеологизации таких правил. Когда просьбу о наложении вето на поправки к закону о СМИ подписали руководители шести телеканалов и практически всех информационных радиостанций - эти пятнадцать человек смогут выработать вместе правила, с которыми могут выйти к региональным партнерам. Сам Путин, увидев подписанный столькими людьми документ, признался, что его убедило в правильности такого решения не количество, а набор подписей. Если один и тот же документ подписывают предельно лояльный Добродеев и совершенно нелояльный Венедиктов - это не может быть неправильно. В неформальной части встречи с президентом я его спросил: "Что вас больше убедило? Наша аргументация или набор подписей?" и он ответил: "Конечно набор подписей! Если столь разные люди соглашаются в одном, значит, это

просто не может быть неверно".

Мы сумеем убедить всех наших коллег в правоте и необходимости этой конвенции. Она ничуть не ущемляет права человека на информацию. Но в период теракта спасение жизней людей первично по отношению ко всем другим правам.

Дмитрий Кафанов, "Московский Комсомолец":

Имея некоторый опыт работы в экстремальных ситуациях (практически во всех, что случались в Москве за последние годы) и в каких-то из них "отработав" на высший балл, в каких-то - на средний, я не решился бы выставлять себе какую-то оценку за то, что делал с 23 по 26 октября на Дубровке. Причин тому несколько.

Первой причиной можно назвать саму ситуацию. Такого ни в Москве, ни пожалуй, в России, еще не было, несмотря на Буденновск и Кизляр. Когда подобное происходит в нескольких километрах от Кремля - это само по себе заставляет задуматься. Однако главной причиной, по которой я не считаю свою работу во время теракта удачной или просто достойной оценки, в том, что настоящая работа должна была закончиться моим проникновением внутрь зрительного зала ДК, где шел мюзикл. Сама же ситуация оставляла только один вариант проникновения внутрь здания - обмен "организаторами" этой трагедии журналиста на одного из заложников. Все прочие способы могли стоить кому-то жизни, а это - слишком дорогая цена за любой репортаж, за любую публикацию. Потому и закончилось все для меня в автобусе, переполненном отравленными и умирающими людьми, который еще долго будет снится мне по ночам.

Начнем, однако, с самого начала. Как я оказался на месте трагедии. Достаточно быстро выстроенное вокруг ДК оцепление не было чересчур трудным препятствием для квалифицированного журналиста. Солдат, которых выставили в это оцепление, на ветер и под дождь, попросту позабыли те, кто ими командовал. Они часами мокли и мерзли, и никто их не подменял. Говорят, что кто-то проникал через кордон за деньги. Лично я подобного не видел и сам этим способом не пользовался, во-первых, это не кажется мне приемлемым, во-вторых, даже и захоти я этого - денег не было, да кроме того - их и не требовалось. Достаточно пройти мимо кордона с кем-то из знакомых журналистов, представляющих газеты спецслужб или просто рядом с кем-то из узнаваемых людей. Кроме того, вполне достаточно принести солдату, стоящему в оцеплении, бутерброд или стакан горячего чая. Тогда налаживается тот самый контакт, который категорически запрещен, например, между охранниками и заключенными. Как только он возникает, у журналиста появляется дополнительная возможность пройти куда-то, куда его не хотят пустить. Не буду вдаваться в подробности, дабы никого, что называется не "подставить", но пройти сквозь это самое оцепление мне удавалось не раз.

Когда сейчас говорится много слов о разнообразных правилах, "хартиях" и тому подобном мне это не внушает доверия. Почему? "Для танго нужны двое". Власть сама должна соблюдать некие правила, как должны соблюдать их те лица, которые этой властью привлекаются к спасению жизни людей. К сожалению, мне довелось увидеть массу нарушений правил настолько элементарных, что и писать об этом как-то странно. Одним из первых официальных лиц, прибывший к месту происшествия был помощник президента Сергей Ястржембский. Характер его службы и частота появлений на телеэкранах известны всем, а потому - известен и он сам, во всяком случае, не узнать его с расстояния с пару сотен метров в бинокль (или в оптический прицел снайперской винтовки) - невозможно. Хороша была бы операция, и чем бы закончилось все дело, если бы у кого-то из террористов проснулось желание пораньше стать шахидом или героем на все времена и прихлопнуть самого "Ястреба"?! Только потом, когда приехали грузовики с песком и место, где появлялись периодически высокие чиновники оказалось вне поля зрения террористов, ситуация выправилась. Но не раз и не два люди очень высокого ранга оказывались на виду у захватчиков, среди которых вполне мог находиться потенциальный снайпер, и проводившим операцию боевикам было бы очень лестно прихватить с собой на тот свет кроме сотен заложников еще и парочку высоких кремлевских или министерских чинов.

Около штаба журналистам тоже не удалось бы найти партнера для вежливого танго. Периодические мелькающие чиновные лица, плохо организованная информация - это все телезрители видели. Но мало кто видел, что посреди всего этого ярким пятном выделялся милейший парень в оранжевом комбинезоне - один из московских диггеров. Не буду его называть, чтобы не подвести. Хранителем государственной тайны назвать его было бы трудно. Слова "они уже под ДК", "уже пошли", "добрались до грунта" были слышны всем, в том числе и тем, кто координировал деятельность Бараева и его компании, а в том, что их люди явно присутствовали среди журналистов, затесались в толпу родственников, и могли быть даже среди лиц, пробравшихся к штабу, скажем, с поддельными документами - разве же это не ясно... Не думаю, что когда где-то в подвале ДК "лопнула труба с горячей водой", и тот же оранжевый молодой человек сказал: "Эх, магистраль задела...", террористы приняли это на счет плохого состояния коммуникаций.

Работники спецслужб маскировались, но плохо. На одном был медицинский халат явно с чужого плеча. Да и попробуй найти халатик на такие плечи. Несуразностей вообще было много.

Обо всем этом я говорю не для того, чтобы позлорадствовать или перенести всю тяжесть ответственности за случившееся на власть. Идут расследования, как официальные, так и журналистские. Они взвесят вину каждого. Но об этом необходимо писать. И вот почему.

Известно, что как многие начальники, так, увы, и многие обычные люди, склоны взвалить вину за все на прессу. Чего я боюсь от всякого рода "хартий" и "правил", так это того, что ошибки и промахи власти будут взвалены на представителей СМИ, причем правды люди знать не будут. Журналисты обязаны работать в таких ситуациях именно потому, что власть должна знать - правду скрыть не удастся, и люди будут иметь возможность делать свои выводы.

Но мне есть что сказать и своим молодым коллегам, для которых такая ситуация - не просто работа, а повод заработать "профессиональные очки". Будьте бдительны и осторожны. И дело не только в том, что каждый ваш неверный шаг может обойтись кому-то ценой жизни, хотя это - самое главное. Помните и о другом. Корреспондент, репортер - солдат журналистики, "пушечное мясо". Он может выдать в эфир или на газетную полосу горячий факт, который мгновенно разнесется по всему миру. Но помимо вас, дорогие коллеги, есть еще и ваши работодатели. Внимательно ли вы читали свои контракты? Достаточно ли добросовестен тот, кто с вами его заключал?

Начнем с самого простого. На какую сумму, и на какие страховые случаи вы застрахованы? Если вы молоды и у вас нет собственной семьи - у вас есть родители, которых кто-то должен кормить, не говоря уже об их чувствах, если с вами что-то случится. Не за каждого его газета или телеканал будет бороться. Не каждый из вас Дима Холодов, родителей которого никогда не оставят в нужде и беде его коллеги. Посмотрите, как работают ваши западные коллеги, поинтересуйтесь, насколько о них позаботились юридически и материально, прежде чем отправить на опасное задание.

Или, представим себе такой гипотетический случай. Вы - тележурналист, вам и вашему оператору удалось снять, как бросаются на штурм работники спецслужб, и вы выдаете эти кадры в прямой эфир. Конечно, владельцы канала, его руководство, которое в этот момент случайно окажется в медпункте с гипертоническим кризом, получают от руководства страны свою меру наказания, но оно окажется не слишком жестким. К тому же люди они, как правило, несколько более обеспеченные и известные, чем вы. А вот когда настанет время разбирательств, "раздачи пряников", вы - именно вы - вылетите из своего СМИ с волчьим билетом, и будьте уверены, - у вас возникнут нешуточные проблемы с трудоустройством. Но главное - если из-за ваших кадров погибнут люди, как вы будете после этого жить?

Такой эмоциональный абзац я выдал именно потому, что очень хотел бы двух вещей: первое, это ответственности руководителей СМИ за все, что выдается в эфир или на газетную полосу, а второе - посылайте на такие задания людей с опытом. Хотя бы с элементарным человеческим опытом.

Все время возле ДК я работал без фотокамера и очень этому рад. Рад потому, что когда на площадке перед ДК появились первые вынесенные оттуда заложники, многие из которых уже были обречены, многие - умерли, я бы не позволил фотокамере снимать. И даже потом, когда описывал автобус, в котором кто-то спешил в больницу приходить в себя, а кто-то умирал по дороге, я сам избегал описывать лица людей так, чтобы родные могли их узнать. И, по-моему, тому, кто сделал бы по-другому, не поможет уже никакой учебник и никакой кодекс. А мне еще долго будет сниться по ночам этот автобус, и я еще долго буду называть эти дни "жизнью после смерти".

Николай Сванидзе, РТР:

- Я вышел в эфир в субботу, когда все уже закончилось. Программа сверсталась по свежим следам штурма, и мне было легче, чем другим моим коллегам. У меня в эфире был генерал Васильев, скорее, это ему было труднее отвечать на мои вопросы. Но, безусловно, я следил за ситуацией и смотрел телевизор, как и все, делал свои выводы.

Я бы хотел воздержаться от поименования тех или иных каналов, или называть фамилии каких-то своих коллег, чья работа показалась мне ошибочной. Главной проблемой было то, мы оказались не готовы к такой ситуации. По многим причинам: во-первых, и ситуация была в таком роде первой, во-вторых, мы не сделали выводов из уроков первой чеченской войны, из Буденновска, из Кизляра.

Недостаток профессионализма сказался в том, что многие путали сенсационный информационный повод и реальную опасность для общества. Многие не справились с

вопросом: должны они действовать как выносивающие сенсацию репортеры или думать о жизни людей. Это оказалось недостатком нашего профессионального сообщества в целом. На Западе модель поведения журналиста прописана, и она должна быть прописана и у нас.

Нельзя воспринимать террористов как тех, кто дал тебе информационный повод, "поделится с тобой новостью". Нельзя брать интервью у преступника в тот момент, когда он совершает преступление! Давать им прямой эфир - недопустимо. В то же время журналисту нельзя выступать и в качестве "спасителя отечества", нельзя проникать в дом с заложниками и террористами без согласования этого действия с теми, кто руководит операцией по спасению людей. То, что у нас происходило - это даже не профессиональный цинизм, это недостаток опыта. Я бы не хотел говорить об общем непрофессионализме или о том, что все пошло по наихудшему сценарию - это не так. Но часто в работе журналистов была видна растерянность, простая человеческая инфантильность.

Кто должен решать, кому давать эфир - это ключевой вопрос, на который нельзя ответить с ходу. Рвутся в эфир ведь не только те, кто хочет "надуть" свой рейтинг на чужой беде, рвутся в эфир и те, кто искренне хочет помочь, сказать, что нужно делать. Публичных политиков вообще часто куда-то несет эмоциональная волна, да и трудно требовать от политика, чтобы, когда страна в опасности, он прятался под кровать. Не все несутся в телевизионные павильоны исходя из своих конъюнктурных интересов. Но кому предоставлять эфир? Очевидно одно: нельзя, чтобы это решение самостоятельно принималось журналистами. С другой стороны, полностью переключать стрелку на "силовиков" тоже нельзя, тем более что в нашей стране традиции у силовых структур далеко не только положительные. И традиции их отношения к демократическим СМИ далеко не те, что приняты на Западе, и прессу им в руки даже на время борьбы с террористами я бы давать не стал. Решение пусть принимают руководители СМИ, опытный ведущий на эфире, опытный выпускающий редактор, но никакой анархии в принятии решений быть не должно. Категорически нельзя предоставлять слово ни террористам, ни родственникам заложников. Об этом говорит вся мировая практика.

Вспомним и митинги, которые проводили родственники заложников по требованиям террористов с плакатами "Прекратим войну в Чечне" и тому подобными лозунгами. На мой взгляд, показывать такие митинги нельзя. Но если есть угроза жизни людей, если террористы в случае невыполнения этого требования угрожают убивать заложников - решение ложится на руководство антитеррористической операции, а не на журналистский уровень. Если показ подобных вещей входит в схему тактических переговоров с террористами - это случай, когда власть берет дело в свои руки. А если нет, то не показывать. Необходимо понять, что ни теракт, ни подобные его последствия, и все что с ним вообще связано - это не информационный повод! А если бы террористы потребовали, чтобы матери заложников разделились и голыми пошли на улицу с плакатами? Они же могут начать издеваться над страной, над обществом, шантажируя их жизнями людей! Любой показ подобного издевательства означает, что мы идем у них на поводу. Нужно быть максимально осторожными.

По случаю на Дубровке я не могу назвать безупречной работу СМИ, но и власти безупречны не были. Претензии нужно предъявлять к обеим сторонам Журналисты будут работать нормально тогда, когда штаб не будет воспринимать их как помеху, а примет их как союзников и единомышленников. Претензии есть и к тем, и к другим, но журналисты не должны становиться козлами отпущения.

Что касается корреспондентов, работающих непосредственно на месте события, в студии во время такой кризисной ситуации, в прямом эфире к ним всем я бы предъявлял только одно требование. Во время таких терактов должны работать опытные, взрослые даже просто по возрасту люди. Что же касается прозвучавшей недавно идеи какого-то специального пула "допускаемых" к такой работе журналистов, то я не вижу в нем никакого смысла.

Маша Слоним, радио "Свобода":

- Мне кажется, инстинкт любого журналиста - снимать все, что движется. Обвинять никого нельзя, - снимали все и всех, кто был на месте, все вели свою работу. А вот дальше возникает проблема эфира. И ответственность лежит не столько на журналисте, сколько на тех, кто выпускает в эфир картинку или звук. Была безответственность со стороны ряда каналов, которые выпускали комментарии вроде того, что прозвучал в авторской программе Михаила Леонтьева, который называл их отморозками и ублюдками. Нужно было думать о том, как слово, сказанное в эфире отзовется. Были "ляпы", но больших ошибок, как мне кажется, не было. Даже то, что показывалось, не могло слишком уж помочь террористам - в основном, передвижение войск было скрыто. На "Эхе Москвы" было драматическое сообщение "кажется, уже пустили газ", но оно вышло в эфир уже после штурма. Я смотрела CNN - и меня пугало то, что показывали передвижение войск. Я, однако, допускаю, что это делалось с некоторой задержкой. Самое страшное это прямая трансляция, в связи с тем,

что террористы видят ее в прямом эфире. В 1972 году к трагедии привело то, что подробности антитеррористической операции в Мюнхене террористы видели на экране, и этого нельзя допускать. Но это не ответственность журналиста, а ответственность редактора. А журналист как робот, снимает и пишет все, что видит. У исполнительных власти были рядом довольно квалифицированные советники. В обществе еще нет демократических инстинктов, страна была не готова к такому событию в центре Москвы, не было ни внутренней законодательной готовности, ни готовности на уровне правил поведения. Первое что приходит в голову - это "запретить". Но появились "сдержки и противовесы", был услышан голос журналистов. Слава Богу.

Кодексы, которые написаны на Западе, тоже появились не на пустом месте и не в одночасье. Я помню, как выгнали журналиста с BBC, когда он, чтобы красиво снять какой-то кадр, как мальчишки бросают камни в солдат, платил им за это деньги. Журналиста выгнали с работы. А кодексы были, но не устояли люди перед желанием получить красивую картинку.

В первую очередь тобой движет профессионализм. Я, работая на BBC, увидела этот кодекс в виде документа на пятый год работы. Когда ты работаешь в такой структуре, где этот кодекс работает, как норма журналистской практики, ты и так знаешь, что можно, а чего нельзя. Ты работаешь по определенным правилам, правилам журналистики, которых ты и не читал, а просто знаешь. Уже потом, став продюсером, я увидела все эти правила написанными на бумаге. Но для этого нужна атмосфера общих правил. Каналы не должны соревноваться между собой в том, кто больше покажет убитых, у всех убитых есть родственники, и должно быть заранее ясно, что никто этого не пустит в эфир.

Утверждение, что на Западе получили бы слово в прямом эфире родственники заложников - очень спорно. Вряд ли бы кто-то выпустил их в эфир. Эмоциональные крики переживающих за своих близких людей слишком опасны, слишком нервны для общества. Просто опасно их выпускать на всю страну. Руководствоваться в такой ситуации надо одним принципом: "не навредить", при максимальном информировании общества о происходящем.

Да, в программе Савика Шустера родственники заложников получили слово не в первую очередь, они уже выступали в других СМИ. Но то, что люди эти выступали уже на других каналах, оправданием не служит. Это соревнование. "А мы сейчас дадим еще что-нибудь, вот мы сейчас еще больше надаем всем, увеличим накал!" Каждый отвечает за то, что он делает сам.

Поиск виновных во власти - нормальная функция журналиста, он обязан быть подозрительным. Да, это "четвертая власть", буфер между обществом и властью.

Связной голос общества. Голос громкий и осмысленный. Журналист должен всегда быть на страже интересов общества, если их нарушает власть.

Что касается нагнетания негативных эмоций, - как и в новостях, так и в сериалах мы видим то, что получило в народе название "чернуха". Человеческая натура больше интересуется трагедией, но нужно ли потакать низменным чувствам? Думаю, что нет. Но идет соревнование, конкуренция, и рейтинг дают скорее плохие новости. Есть английская поговорка, "новость, это не тогда, когда собака укусила человека, а когда человек укусил собаку". Что-то необычное. Любые новости должны отражать истинное состояние дел. Проще взять что-то более эффектное. Если в газете можно написать что-то в виде очерка или эссе, то в новостях без выигрышной картинки тускло. Идет погоня за эффектной картинкой, а это катастрофы, убийства, смерть, а не уютное сидение у самовара.

Я считаю, что нужен журналистский комитет, какая-то комиссия профессионалов. Такой "комитет жалоб на прессу" есть в Англии. А что еще можно предложить? Но это очень трудно. Было уже множество бесконечных писем, подписывались самые известные редакторы желтых газет и творили на следующий день все то же самое. Может быть, эта история научит нас аккуратнее относиться к профессии.

Журналист осуществляет право людей на информацию, это делает не власть. И власть не имеет права запрещать журналисту работать. Но нужна ответственность перед теми людьми, ради которых он это делает. Те, кто выпускает продукцию в эфир, обладают феноменальной властью. А правила поведения на все случаи жизни прописать нельзя. Должны быть и интуиция, опыт, высокое понимание своего долга перед обществом. Но это дело журналистов, а не спецслужб. И примеры этому есть. Придержало же "Эхо Москвы" информацию о подаче газа, а могли ведь дать...

Но то же "Эхо Москвы" предоставило эфир террористу. Не пытаюсь судить, могу лишь сказать, что считаю это ошибкой. Даже если террорист угрожает расстрелять десять заложников, если ему не дадут эфира. Сначала он за десять человек еще что-то потребует,

потом еще что-то за сто... И я не знаю, как бы я поступила, отвечая за эфир. Есть правильная, опробованная, кровью и практикой проверенная позиция - не идти на уступки. А дать эфир - это уступка. Тут нужно советоваться с компетентными людьми. Психологами, которые должны быть при каждой спецслужбе в такой момент. Но, конечно, и я не знаю, как бы я поступила, если бы кто-то из родных сидел там, в зале. Потому и нельзя выпускать родных в прямой эфир. Террористам эфира давать нельзя! Но и в Англии тоже был закон о том, что террористу нельзя давать слово, а потом нашли обходной путь, и голоса террористов начали озвучивать актеры. В горячей ситуации в эфир нельзя выпускать никого, кто непосредственно втянут в эту историю, будь то заложник или террорист. Это можно будет сделать потом. И истеричных ведущих в тоже нельзя близко подпускать к эфиру.

Нужно дозировать и выступления политиков в такой ситуации. Есть что сказать информационно полезного - говорите. Нет - не занимайте время и не провоцируйте истерику. Странно, что Путина не было слышно до окончания кризиса, но и ему нужно было искать правильные интонации, ему - прежде всего! Это трудно. А наши власти не привыкли общаться с народом без подготовки.

Максим Соколов, "Известия", ОПТ:

-...Если употреблять терминологию, которую нам навязывает бандит или террорист, то это означает согласиться с тем, что они навязали нам свою "понятийную" систему. А делать этого, естественно, не следует. И грубые выражения бывают уместны, скорее, в незначительных ситуациях и конфликтах, но не тогда, когда речь идет о трагедии, мобилизующей внимание всей страны. А когда речь идет о конфликтах такой силы, то более естественная реакция - крайне холодный и корректный тон, он более соответствует состоянию крайней ярости, решимости, готовности к отпору. Ругательство скорее свидетельствует о бессилии.

Точно нельзя было выдавать сведения, могущие представлять интерес для террористов, и наверное нельзя было вообще нагнетать эту атмосферу крайней суеты: "скорее, скорее, сейчас же в номер, в выпуск!". В таких случаях я считаю необходимостью введение военной цензуры, которая должна выражаться в том, что информация должна очень жестко дозироваться. Конкуренция - приятная и хорошая вещь для мирного времени. А война - это не то место, где надо заниматься погоней за рейтингами.

Когда мы говорим о журналистском профессионализме, мне кажется, что нужно отдельно говорить о профессионализме индивидуальном и корпоративном. В массе своей наши журналисты не хуже и не лучше, чем их западные коллеги. Западные коллеги занимаются сходной погоней за новостями, за рейтингом, и в ситуации, когда они не ощущают жесткого давления корпорации или общества ведут себя точно также. Но в критические моменты они чувствуют на себе большее давление корпорации и общества, как это было 11 сентября прошлого года. Американцы не могли бы сказать многого из того, что прозвучало в нашем телеэфире

Создание специального журналистского пула - это один из вариантов решения, если это поможет сдерживать проблемы неудобств, связанных с введением военной цензуры, но с другой стороны, - а если не поможет? Все должно проверяться на непосредственном опыте. А говорить сейчас с большой уверенностью об успешности или не успешности такого начинания - это довольно сложно.

Кодексы разнообразного рода создавались уже неоднократно, и, в общем, проку от них как-то было немного. По поводу всех этих кодексов мне все время вспоминается одна страничка из записных книжек Ильфа и Петрова: "Курсы киноэтики", причем вся идея курсов заключалась в том, что режиссер не должен жить с актрисами. Вот я боюсь, что получится что-то вроде очередных таких вот "курсов киноэтики". Не нужно большого ума, чтобы понять, что нагнетание истерики это подыгрывание Бараеву и ему подобным в информационном поле, это как раз то, что им и нужно. Но если как-то нет собственного ума и сердца, то так ли уж кодекс нужен? Я понимаю общий замысел - жесткие законодательные запреты, цензура, которая никогда не обходится без пережелеза, это известно и печально. Но, зная нравы нашего нынешнего сообщества, я со скепсисом отношусь к возможностям корпоративной саморегуляции.

Хартии эти могут иметь смысл, если бы существовал некий институт, который бы давал оценку действиям журналистов в сомнительных случаях. Такой институт уже был однажды создан - палата по информационным спорам и большинство тех, кто имел дело с этой палатой, если ее решение не устраивало, просто ей говорили: "Вы мне никто!" Так плевал на них Доренко, Минкин, словом - опыт уже был. Где гарантия, что этот опыт не повторится, я не знаю. Если журналист человек сознательный и ответственный - так его не надо тянуть в трибунал, а человек отвязанный и циничный наплюет на любое подобное решение. Военная цензура вступает в действие с момента захвата заложников и прекращается после

окончания ситуации. Применительно к "Норд-Осту" это должно было начаться с первых сообщений о захвате и закончиться в тот момент, когда террористы были уничтожены. Степень строгости цензуры - важный вопрос.

Военная цензура - суровый институт, соответствующий законам военного времени. Расстреливать журналиста за то, что он лезет, куда не следует, скажем, за оцепление, не обязательно, но в кутузку отправить нужно точно.

Воспользуемся аналогией военного времени. Действительно военные ведомства всех стран устанавливают срок секретности для оперативных планов, для военных архивов и так далее, в чем может быть определенный резон. А здесь это связано с тем, до какой степени эта информация может представлять интерес для будущих террористов, и это ключевой вопрос, ответ на который никто толком дать не может. О чем можно безусловно говорить после прекращения кризисов, и о чем не следует даже и после прекращения чтобы не снабдить террористов полезной информацией? Пока узнать об этом негде.

Такие ситуации возможны в будущем, а насчет того, как их предотвратить вопрос достаточно сложный. Вводить совсем жесткие меры было бы излишне, но последствия безответственных действий могут быть очень тяжкими. Если настанут тяжкие последствия в виде человеческих жертв - это уже преступление уголовное, и тут соответствующие службы должны начинать уголовное преследование этих самых "смелых руководителей".

При просмотре прямых эфиров в тот день меня посетила крамольная мысль: просто пускать внизу бегущей строкой: "пи-ар на крови делает такой-то". А что касается ситуации с Шустером - это уже какое-то запредельное нарушение этики. Нельзя публично показывать человека, находящегося в невменяемом состоянии. С одной стороны, это просто бесчеловечно, а с другой все его слова не могут иметь никакой ценности, потому что он сам жертва, он лишен свободы воли. Действия, слова, заявления, сделанные под дулом пистолета не имеют никакой силы, зачем транслировать в прямой эфир то, что человек делает под пыткой? Если можно так транслировать то, что говорят родственники заложников, то почему не внести в уголовный кодекс статьи о признании судами показаний, данных под пыткой?

Общественное мнение все-таки пробуждается, и пробуждают его такие события. Депутат Думы, бывший уполномоченный по правам человека Сергей Адамович Ковалев, отметил что ситуация сегодня совершенно несопоставима с той, что сложилась после трагедии в Буденновске, когда депутаты ехали с заложниками до границы Чечни, а вдоль дороги их приветствовали радостные толпы местных жителей. За последние семь лет ситуация сменилась, и той пацифистской истерики, готовности отдаться террористам больше нет. Оказалось гораздо больше готовности выносить это несчастье стиснув зубы, понимая, что это несчастье, и что мы должны выстоять. Общественное мнение все же есть, и оно эволюционирует в правильном направлении.

Часть третья. Глава вторая. Антитеррористическая Конвенция. Комментарии.

Ниже следует полный текст Антитеррористической конвенции (правил поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции), который я счел необходимым дополнить краткими комментариями.

Дискуссию вызывало само название документа: должны это быть правила поведения журналиста или средств массовой информации в целом? Выбрали второе - это связано с организацией системы ответственности. Ответственность начинается не в момент сбора информации, а в момент ее распространения.

Добывать информацию журналист обязан любую: он не имеет возможности - особенно в экстремальной ситуации - фильтровать информацию на "полезную" и "вредную". Его дело собрать факты, а уже на СМИ лежит решение, давать их в эфир или нет. Кроме того, СМИ как субъект документа, должны были быть заявлены сразу для урегулирования механизма реализации Конвенции: те СМИ, которые ее не подписали, могут быть не аккредитованы на место событий. А задача аккредитованных СМИ - дать своему журналисту такие указания, разработать такую внутреннюю инструкцию, чтобы поведение корреспондента соответствовало Конвенции.

В целях обеспечения общества достоверной информацией СМИ имеют право и обязаны содействовать открытому обсуждению проблемы терроризма, информировать общество о ходе контртеррористических операций, проводить расследования,

сообщать людям информацию о реальных проблемах и конфликтах.

Мы уверены, что угроза терроризма не должна использоваться как повод и оправдание для введения ограничений в отношении прав на свободу мнений и средств массовой информации.

Прежде чем брать на себя ограничения, мы подчеркиваем в преамбуле, что угроза терроризма не должна быть использована для введения лишних ограничений. Мы слишком хорошо знаем, как умеют поворачивать в свою пользу чиновники любых рангов любые запретительные механизмы. Мы хорошо осознаем угрозу терроризма, но и угрозу покушения на свободу слова мы также осознаем, и считаем ее столь же опасной.

Вместе с тем, осознавая опасность, связанную с терроризмом, а также ответственность работы с информацией в этих условиях, мы считаем необходимым добровольно принять следующие правила поведения СМИ и обязуемся руководствоваться ими в своей работе:

1. Работники СМИ обязаны понимать, что в период теракта и контртеррористической операции спасение людей и право человека на жизнь первичны по отношению к любым другим правам и свободам.

Любые ограничения в распространении информации - это ограничения свободы слова. Мы отмечаем, что СМИ сознательно идет на ограничение свободы слова в кризисной ситуации, но подчеркиваем, что они не отказываются от свободы как фундаментального принципа. Трагические ситуации всегда будут использоваться для атак на прессу, всегда можно сказать - вот вы написали, а человек прочел и застрелился, вы виноваты в его смерти. Ответственность журналиста - честно информировать людей, журналист не может отвечать за дальнейшее поведение всякого получателя его сообщения. Но в момент теракта и это становится зоной нашей ответственности.

2. В случае получения информации о готовящемся теракте или о его начале до обнародования данной информации журналист обязан сообщить ее руководству своего СМИ.

Здесь тоже были споры - кому сообщить. Многие полагали, что журналист должен сообщить ее органам правопорядка, спецслужбам, и выступали за это именно руководители СМИ, и их было достаточно много. Решили, однако, что руководство СМИ само определится, как поступить с информацией. Мы выбрали наиболее мягкую формулировку, которая больше устраивает средства массовой информации.

3. Журналисты должны иметь при себе и по первому требованию предъявлять редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий личность и профессиональную принадлежность.

Казалось бы, элементарный пункт. Но мы сочли необходимым остановиться на этой теме отдельно. Известно, что от спецслужб можно ожидать всякого, в том числе и провокаций. Выдавать своих людей за журналистов и дискредитировать какими-то их действиями прессы как таковой - такую тактику спецслужб вполне можно себе представить. И, конечно, если мы настаиваем на правах, их делегирование должно быть адресным: конкретному журналисту, с которого потом можно спросить.

4. Руководство СМИ обязано незамедлительно передавать в распоряжение Оперативного Штаба или официальных органов ставшую им известной информацию, которая могла бы быть использована для спасения жизни людей.

5. Исходя из того, что доступ к СМИ с целью изложения своей позиции в большинстве случаев является одной из главных целей террористов, СМИ не должны:

- брать у террористов интервью по своей инициативе во время теракта кроме как по просьбе или с санкции Оперативного Штаба;

Конечно, СМИ стремится заполучить читателя, тиражи, эксклюзивную информацию - это соответствует самой природе журналистской профессии. Но это стремление не должно превалировать над основной задачей: не пропагандировать террористов, не распространять их мнение.

- предоставлять террористам возможности выйти в прямой эфир без предварительных консультаций с Оперативным Штабом;

Мы ничего не контролируем в прямом эфире. Террористы могут напугать людей, воздействовать не только на своих сторонников, но и на родственников заложников и т.д.

- *самостоятельно брать на себя роль посредника (за исключением случаев, когда это санкционировано и сделано по просьбе Оперативного Штаба); если представитель СМИ оказался в числе переговорщиков, он должен воздерживаться от собственных публикаций до разрешения кризиса;*

- *брать в руки оружие и надевать камуфляжную или иную униформу; понимать, что взяв в руки оружие, работник СМИ перестает быть таковым;*

Или ты журналист, или ты воин. Нашумевший случай произошел недавно в Латинской Америке, когда журналист шел в строю, был одет в камуфляж, нес оружие - словом, ничем не отличался от солдата. Его убили, и страховая компания отказалась выплачивать страховку. Она доказала, что в момент, когда он взял оружие, он перестал быть журналистом.

- *предлагать террористам, заложникам, другим вовлеченным в конфликт лицам предпринимать какие - либо действия для получения удачных видео - или фотокадров;*

Мало того, что это мешает процессу освобождения, это еще может оказаться и ложным меседжем, который не может входить в планы честного СМИ. Вспомните историю с "мертвецами Темишоара", которых сигуранца перевозила с места на место: этот фальшивый репортаж в результате оказал серьезное воздействие на развитие событий.

- *оскорблять и унижать террористов, в руках которых жизнь заложников.*

Как бы ты не относился к террористам, нужно помнить, что мстить они станут не тебе, а заложникам. Одна из главных ошибок журналистики - и это все признают, стали оскорбления, которыми осыпал захватчиков популярный ведущий ОРТ. Но важно: если всерьез проанализировать все проколы прессы, все это ошибки. Не было сделано ни одного злонамеренного шага, не было ни одного СМИ, которое пыталось бы использовать трагедию, чтобы сыграть свою игру. Ответственность была у всех, и можно говорить только об ошибках. Конечно, нельзя было злить террористов. Я знаю, что ведущий это понимает, что он просто недодумал.

6. *СМИ должны:*

- *помнить, что прямой теле- и радиозэфир может использоваться террористами для передачи условных сигналов сообщникам в других местах;*

- *избегать детальных подробностей о действиях профессионалов, занятых спасением людей;*

- *быть тактичными и внимательными к чувствам родных и близких жертв терроризма; проявлять особую чуткость к очевидцам событий как к источникам информации;*

Собственно говоря, это призыв быть людьми. Ты пришел, выполняешь профессиональный долг, на тебе как бы защитный панцирь, ты отчужден от процесса. Но человек, которого ты интервьюируешь, совсем в другой ситуации: стресса, горя, и очень легко вывести его из равновесия. Представь себя на его месте. Кроме того, этот призыв - "быть людьми" - нужно адресовать и тем политикам и другим публичным людям, которые использовали "Норд-Ост" для засвечивания своей персоны, для пи-ара на крови. С одной стороны, многих звезд террористы звали сами - Кобзона, Политковскую, подайте нам того-то, того-то... Не исключено, что их появление сработало в лучшую сторону - успокаивания террористов... Но, конечно, не хочется оправдывать тех, кто пытался решить на фоне театрального центра со страдающими людьми свои политические проблемы. Например, обвинять во всем Лужкова. Конечно, на московских властях вина лежит, и огромная, но делать на этом основании из Лужкова злодея, использовать трагедию для сведения счетов - вряд ли красиво. И СМИ должно много раз подумать, прежде чем озвучить такого рода пи-ар.

- *избегать излишнего натурализма при показе места события и его участников, с уважением относиться к нравственным, национальным и религиозным чувствам своей аудитории;*

Обсуждая этот пункт, мы вспоминали обошедшие экраны всех каналов кадры с трупами террористов в зале "Норд-Оста", когда могло создаться ощущение, что камера просто смакует кровавое зрелище. Информировать, а не впечатлять: вот задача. Слова в такой ситуации сами по себе достаточно впечатляющи.

- *быть внимательным к употреблению тех или иных терминов в освещении событий; нельзя идти на поводу у террористов, использующих выгодные для себя самоназвания;*

- *отдавать себе отчет в том, что заложники террористов являются и заложниками*

ситуации, в определенный момент превращающимся в инструмент давления на общественное мнение;

Существует феномен - "шведский синдром", когда заложник через некоторое время становится на сторону террориста. И когда ты передаешь в эфир просьбы заложника, ты должен помнить, что он может находиться под влиянием террориста, говорит его устами, причем искренне, под влиянием ситуации. На какое-то время интерес заложника может совпадать с интересом террориста: "выполните их условия, и нас отпустят". Следует помнить, что в большинстве случаев такая логика не решает, а лишь усугубляет ситуацию.

- избегать идентификации родственников и друзей заложников и потенциальных жертв без их согласия.

Иногда очень важно, чтобы террористы не знали, кто у них находится. А вдруг там дочь Президента?

7. Освещая теракты и антитеррористические операции нужно также:

- помнить о своей обязанности информировать общественность, а не сеять панику; следить не только за смыслом сказанного, но и за тоном;

Пункт, который невозможно включить ни в какой Закон. Пункт, доказывающий, что конвенция может больше, чем Закон. Законы предупреждают преступления. Они говорят: ты, наверное, хочешь украсть, так вот - мы тебя предупреждаем. А Конвенция дает информацию журналистам - людям, о которых заранее известно, что они желают только хорошего.

- помнить, что сообщение в СМИ являются общедоступными, в том числе и для тех, кто намеренно создает критическую ситуацию;

- учитывать, что мировое сообщество отвергает связь терроризма с какой - либо конкретной религией, расой или национальностью;

Ситуативные связи, разумеется, могут быть. В разные времена терроризм может концентрироваться в разных точках земли: сейчас он развит в арабском мире, а было время, когда было иначе. Теракт - локальное событие, а национальная рознь имеет более масштабный характер, и потому не следует фиксироваться на национальности преступников.

Вообще, мы готовили свою Конвенцию как международную в том смысле, что ею могут воспользоваться и другие государства. Здесь, однако, необходимо вернуться к русской специфике. Три фактора - религиозный (у двух религий в стране огромное количество сторонников), националистический (на бытовом, но массовом уровне) и сепаратистский - склеились в России вместе, породили взрывоопасную ситуацию. Фундаментальность одного помноженная на массовость другого и остроту третьего - ключевая проблема России. Потому одна из обязанностей наших СМИ - расклеивать эти факторы. Не смешивать национальное с религиозным, религиозное с сепаратистским - из чувства элементарного самосохранения страны.

- понимать, что информационные сообщения не должны содержать сведений, которые могли бы способствовать усилению позиций террористов, например, выступления в поддержку их требований. Подобные жесткие требования могут распространяться исключительно на ситуации, связанные с непосредственной угрозой для жизни людей, и не могут распространяться на события политической, экономической или социальной борьбы, укладываемой в рамки Конституции.

Этим пунктом мы еще раз подчеркиваем локальность действия Конвенции и невозможность ее применения к более широким ситуациям.

8. СМИ могут сообщать своей аудитории, что часть информации закрыта Оперативным Штабом на время проведения контртеррористической операции по соображениям безопасности для сохранения жизни людей.

** Исключение из данных правил возможны только во имя сохранения жизни людей по согласованию с Оперативным Штабом.*

После утверждения этого документа "Индустриальным комитетом" активно начался, при посредничестве "Медиасоюза", процесс подписания документа центральными и региональными СМИ. Теперь мы надеемся на ответное движение со стороны властей. СМИ берут на себя обязательства - и ждут ответных обязательств. Вкратце повторю наши

требования:

- Четкое обозначение временных и территориальных границ ситуации, требующей ограничения свободы слова.
- Безусловная аккредитация в горячей точке СМИ, подписавших Конвенцию.
- Исчерпывающей регулярной информации о происходящем.
- Содействие после операции объективному журналистскому расследованию ее обстоятельств, в том числе действий властей и спецслужб.
- Включение представителей СМИ в оперативные штабы.

Мы уверены, что этот комплекс мер может и будет способствовать защите общества как от терроризма, так и от посягательств на свободу слова и другие гражданские права.

Приложения

Москва террористическая: памятные места.

Журналистке Марине Латышевой принадлежит рискованная, но остроумная идея: туристический маршрут по местам боевой славы отечественного терроризма (а что - существуют же автобусные экскурсии "По местам московских привидений!"). Для маршрута предлагаются следующие объекты:

Точка на третьей версте от Москвы по Московско-Курской дороге (ныне район станции метро "Площадь Ильича", 7 км от Садового кольца), где народовольцев Перовская и Михайлов купили дом, чтобы сделать подкоп под железнодорожное полотно и заложить там бомбу. Взрыв - направленный по народовольческой традиции на Александра Второго, Царя-освободителя - по случайности прогремел под поездом свиты (никто не погиб) 19 ноября 1879 года.

Выезд из Никольского проезда, 65 шагов от Никольских ворот. Здесь 4 февраля 1905 года эсер Иван Каляев бросил бомбу и убил великого князя Сергея Александровича.

Место, на котором ныне стоит дом-книжка, до сих пор известный как здание СЭВ. Здесь находилась Новинская женская тюрьма, из которой 1 июля 1909 года бежали 13 революционерок. В подготовке побега участвовал 16-летний В. Маяковский, отсидевший за это полгода в Бутырке.

Леонтьевский переулок - "черное место Москвы". В доме номер 19 избрали в 1898 году первый Московский комитет РСДРП, здесь же была штаб-квартира социал-демократов после Февральской революции. В доме номер 17 в 17-м же году помещался ЦК левых эсеров, самой массовой террористической организации страны. В 1919 году в доме номер 18 в результате теракта погибло 12 человек (вообще, взрыв нацеливался на В. Ленина, который случайно не пришел на проходившее там подпольную сходку). Наконец, совсем недавно у дома номер 15 была расстреляна из автомата Калашникова машина вице-мэра Москвы Иосифа Орджоникидзе.

Завод Михельсона (ныне завод им. Владимира Ильича), на котором стреляла во Владимира Ильича Фаня Каплан.

Метро "Баумановская": в 1977 году члены сепаратисткой армянской организации "Дашнакцутюн" заложили в поезд метро бомбу в свинцовой утятнице.

И, конечно, к этому скорбному списку стоит добавить подземный переход под Пушкинской площадью, улицу Гурьянова и Каширку. А теперь и Дубровку и Тушинский аэродром...

* Я написал "погибли в результате недостаточно хорошо организованных спасательных работ", хотя честнее было бы сказать - плохо организованных. Просто я не хочу уходить в зону обличительной публицистики, все же главная моя задача - поделиться информацией, какими-то размышлениями, помочь в следующий раз избежать ошибок, а не обличать. Однако если кто-то будет утверждать, что спасательные работы были организованы

нормально, я просто повернусь и уйду. Никаких результатов работы никаких комиссий не надо, чтобы доказать очевидное.

полный адрес материала : <http://www.guelman.ru/artists/mg/russian-way-book/>